

фантастическая
история

Валерий Елманов

КНЯЖЬЯ ДОЛЯ

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Валерий Елманов
Княжья доля
Серия «Обреченный век», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139221
Елманов В. И. Княжья доля: Издательство АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0939-6

Аннотация

В XX веке эти четверо практически не знали о существовании друг друга. Познакомиться им было суждено лишь на Руси начала XIII века. На Руси, обреченной в скором времени пасть под копытами лихой монгольской конницы. Но обреченной ли? Ведь наши герои там появились, а значит, появился и шанс кое-что изменить. Вот только каждому придется начинать заново. Спецназовцу – с учебы, изобретателю – с создания пороха, священнику – с процедуры рукоположения в сан, а историку остается то и дело удивляться, сколь многого он не знает из этой истории. Но лиха беда – начало, а дальше авось пойдет полегче. И пошло бы, вот только в жизни гладко никогда не бывает...

Содержание

К читателю. Внесем ясность	4
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	41
Глава 5	48
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Валерий Елманов

Княжья доля

Моей милой очаровательной Аленушке, самой мудрой из женщин, без которой никогда бы не была написана эта книга, посвящается

Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своєю походкой, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали? По крайней мере, я люблю сии времена...

Н. М. Карамзин

К читателю. Внесем ясность

*У времени-реки извилистое русло,
То буйный пережат, то заводь в камышах.
И что там впереди намечено по курсу —
Не знает ни одна жива душа.
У времени-реки бесовские повадки,
Уж если заштормит, то нет спасенья в ней...*

Сергей Трофимов

Историческая река времени и впрямь течет неравномерно, в точности соответствуя красивым и мудрым строкам поэта, что вынесены мною в качестве эпиграфа.

Проследить, где грань не между годами, а хотя бы между веками, почти невозможно. Уж очень редко – особенно в эпоху Средневековья – они очерчиваются резкой, четкой линией. Чаше переход из тихой камышовой заводи к буйному пережатию происходит плавно.

Однако бывают исключения и из этого правила, как, например, в случае с тринадцатым веком, изначально обреченным на ужасы бедствий, хищное пламя пожарищ, слезы и кровь, боль и смерть.

Грань эту отчертили даже не одно, а два символических события, которыми судьба оповестила людей о его приближении, предвещая великие бури и потрясения для большей части европейской цивилизации.

Одно из них произошло в январе 1204 года, когда озверевшее от безнаказанности «рыцарство» Запада в своей неуемной жажде наживы овладело столицей Византийской империи Константинополем, учинив в древнем городе неслыханное варварство.

Да, разумеется, не следует обвинять в происшедшем только их одних. Если бы у жителей было бы хоть немного желанья защитить себя, то городом никогда не удалось бы овладеть. Но прогнивший духом Царьград, подобно престарелой блуднице, сам охотно распахнул ворота перед грубыми, неграмотными, дурно пахнущими западными вояками, словно в насмешку – иначе и не скажешь – именуящими себя рыцарями.

Падение столпа всего восточного христианства уже само по себе предвещало великие потрясения. Однако, не удовольствовавшись этим, судьба осуществила еще один «звонок», причем отдельный – для Руси.

Произошел он даже чуточку раньше по времени. В 1203 году князь Рюрик Ростиславович совместно с черниговским князем Всеволодом Чермным и союзными половцами взял Киев.

Не имея серебра для уплаты степнякам, он не нашел ничего лучшего, как отдать им русскую столицу на разграбление. Радостные половцы сожгли не только Подол, но и Гору, дочиста разграбили Десятинную церковь и Софийский собор, вытащили из многочисленных монастырей всех монахов и монахинь, из коих старых и увечных перебили, а молодых увели с собой на продажу в Крыму.

Словом, начало тринадцатого века символично ознаменовалось жуткой резней в двух самых крупных городах Восточной Европы.

А где-то далеко-далеко, в степях Центральной Азии уже назрела черная опухоль, проравшись в 1206 году, в день, когда на великом курултае всех монгольских племен был поднят на белой кошме злобный, жестокий и беспощадный степняк Темучжин, названный Чингисханом.

Тогда-то она и лопнула, а из открытой раны зловонным гноем хлынула степная конница, с каждым годом приближаясь все ближе и ближе к границам цивилизованных государств.

С этого дня неумолимый в своей жестокости «обреченный» век окончательно вступил в свои права, а невидимый метроном времени стал безжалостно отсчитывать дни, недели, месяцы и годы, неуклонно приближая древнюю Киевскую Русь к неизбежному концу – вначале к Калке, а затем к нашествию полчищ Батыя.

Была ли альтернатива этой катастрофе? Возможен ли был иной вариант последующих событий?

На первый взгляд – нет. В то время раздробленная более чем на пятьдесят основных и удельных княжеств Русь и впрямь была уже не в силах оборонять свои границы.

Уже в начале предыдущего двенадцатого века она окончательно перестала расширяться, а в середине его, напротив, стала терпеть одно поражение за другим.

Великие деяния Рюрика, Олега, Святослава, Владимира и Ярослава сменились у их потомков на мелкие делишки вроде дележа все того же Киевского княжества, которое числилось старшим лишь номинально, по привычке.

Занятые в бесконечных сварах и междоусобицах князья дома Рюрика докатились до того, что в Галиче провозгласил себя князем боярин Владислав. Один этот факт говорит об очень многом.

Дальновидность уступила место политической слепоте, героические сражения за Русь сменились грызней за власть, и войны эти год от года становились все более бессмысленными и вместе с тем все более жестокими.

Только одна битва под Липицей, где насмерть схлестнулись несколько родных братьев Всеволодовичей, деля наследство умершего отца, унесла свыше девяти тысяч жизней.

Большая часть погибших были из ополчения – это так. Но кто сочтет, сколько полегло опытных, бывалых дружинников – профессионалов военного дела? И ведь гибли лучшие, потому что участь их – идти впереди, а следовательно, умирать первыми.

Да что там Липица, когда, даже идучи на Калку, князья так и не сумели избрать, говоря современным языком, главнокомандующего соединенными дружинами. Каждый был сам за себя. Да и потом полученный жестокий урок так никого и ничему не научил.

А если бы в то время нашелся среди князей человек, который сумел бы сплотить страну, что могло бы произойти?

Сумела же нищая убогая Литва расширить свои границы «от моря до моря», увлекаемая на все новые и новые завоевания неумолимыми, отважными и умными князьями – вначале Миндовгом, а затем Гедимином и его сыновьями Ольгердом и Кейстутом. И это невзирая на постоянное противодействие весьма сильных врагов.

История, как известно, не имеет сослагательного наклонения. Исследователь того или иного времени обязан полагаться только на факты и события.

Никаких «если бы».

Эти слова для него – неумолимое табу.

По счастью, я – не историк, хотя и весьма равнодушен к богине Клио. Я – писатель, а потому имею полное право задать этот вопрос: а что было бы, если бы?..

Только представьте себе, что в это роковое для нашей державы время отыскался бы на Руси человек, обладающий именно теми качествами, о которых я упомянул, говоря о литовских князьях.

Вообще-то ответ на мой вопрос уже дал известный советский поэт Эдуард Асадов:

А коли верх одерживали орды,
Прости, Россия, беды сыновей.
Когда бы не усобицы князей,
То как же ордам дали бы по мордам!..¹

А если этот человек к тому же еще и наш с вами современник, который перенесся в далекое прошлое напрямик из конца двадцатого века?..

Пускай он будет далеко не супергерой с мускулатурой Шварценеггера – меня, признаться, и самого коробит от голливудской вульгарщины, – а самый обыкновенный человек, который и драться-то толком не умеет, тем паче лихо скакать на коне и метко стрелять из лука.

Да и голова у него далеко не компьютер самой последней модели, чтоб мгновенно просчитывать все варианты с вычлениением из них самого оптимального. Увы, но раз мы договорились, что он – обычный человек, то тем самым ему автоматически предоставляется право на ошибку.

Или ошибки.

Словом, как получится.

Зато он любит Русь, знает, что ее ждет в ближайшем будущем, и полон самого горячего желания избежать всего этого.

Мало, скажете вы. К этому неплохо было бы добавить автоматы, систему «Град» и парочку реактивных бомбардировщиков, тогда и желание его сразу будет выглядеть намного увесистее.

Увы. Я и сам знаю, что маловато, но тут уж ничего не попишешь. Все остальное останется неизменным. Чтобы соблюсти честность, весь исторический фон того времени должен быть сохранен в целости, и практически ничего из него мы не удалим и не добавим.

Более того, мы и знания этого человека попытаемся как-то нейтрализовать, ну хотя бы частично, то есть сохранятся только общие, а некоторые подробности, в том числе весьма важные, «позабудутся». Словом, все точно так же, как и было, но плюс та самая неуловимая добавка под кодовым названием «человеческий фактор».

Сможет ли он перевесить неисчислимые конные армады, неумолимо движущиеся по степи в сторону Руси?

Честно говоря, я и сам этого до конца не знаю, уж больно мало отпущено этому человеку времени на подготовку, к тому же в истории, как верно заметил еще Лев Гумилев, все явления – это не противостояния, а многоугольники. Обстоятельств, могущих повлиять как положительно, так и отрицательно, – масса.

А давайте посмотрим вместе, что из всего этого получится. Вдруг да и выйдет нечто путное...

Не утомил? Тогда вперед, потому что я уже начинаю...

¹ Эдуард Асадов. «Россия начиналась не с меча». – *Здесь и далее примеч. авт.*

Глава 1 Кто я и где я?!

Что происходит, что вокруг меня?

И почему я твердь не ощущаю?

Я самого себя не осязаю...

Я мыслю... Но не знаю, жив ли я?

Леонид Ядринцев

Когда Константин Орешкин проснулся, лежа на чьей-то лохматой шубе с длинным ворсом, то поначалу принялся... отплеиваться. Что-то неприятное и волосатое упрямо лезло ему в пересохший рот, гадко щекоча по губам.

Да вдобавок еще и дикая головная боль, которая явно не имела ничего общего с похмельным синдромом.

«И куда это я попал, а главное, с какой такой радости?» – вяло подумал он.

Вяло, потому что думать решительно не хотелось.

Не до того было.

Хаотичные мысли игриво бегали внутри раскаленного от боли черепа, но в руки упрямо не давались.

Еще быстрее и суетливее они забегали, когда над ним склонилась какая-то мерзкая бородатая рожа. Она заговорщически подмигнула и, дыша перегаром, смешанным с луком и чесноком, шепнула прямо в лицо, при этом игриво жмурясь:

– Медку-то как, поднести, князь-батюшка? Или велишь рассольчику огуречного? Оно, конечно, не так целебно для головушки твоей будет, да мы нынче и так уже подзадержались, а ведь сегодня надо бы хоть к вечеру да подъехать к братцам вашим. – Бородач почему-то весело хихикнул и добавил подобострастно: – Жеребец-то твой оседлан давно. И солнышко уже высоко. Ехать пора. Поспешать надо, князюшко.

Абсолютно ничего еще не понимая, то есть вообще ничегошеньки, Константин тем не менее попробовал подняться, но тут же вытаращил глаза от нового приступа головной боли. Кто-то невидимый продолжал яростно ввинчивать в его затылок сверло. Судя по всему, диаметром оно было миллиметров десять, никак не меньше.

Пришлось крепко сжать зубы, дабы не заорать, но физиономия у него стала, очевидно, настолько страдальчески выглядеть, что бородач сокрушенно вздохнул, сочувственно крикнул и, пробормотав, что, видать, и нынче без меду никак не обойтись, метнулся прочь из темной избы.

Константин, оставаясь лежать и стараясь не то чтобы не делать лишних движений, а вообще не шевелиться, пытался, насколько это возможно, осмотреться вокруг одними глазами. То есть вначале повел ими вправо до отказа, потом влево и наконец вверх и вниз.

Увиденное не то чтобы поразило, а вовсе ошеломило его.

Само помещение оказалось деревенской избой в самом худшем ее варианте. Такие ему доводилось видеть еще мальчишкой в семидесятых годах, в деревнях Рязанщины, расположенных близ райцентра, где он провел все свое детство.

Как правило, проживали в подобных избах одинокие несчастные старухи, всю жизнь отдавшие родному колхозу и получавшие пенсии от восьми до шестнадцати рублей в месяц. Рубли были не фантиками от демократов, а полновесными брежневскими, но их мизерное количество не позволяло помереть с голоду и только.

Впрочем, после второго шмыганья глазами Константин понял, что ошибся. Настолько убогих хатенок он вообще не встречал.

Чего стоили, например, земляной пол и натянутая на единственном маленьком оконце загадочная мутная пленка, еле-еле пропускавшая жалкий свет, которого хватало лишь на то, чтобы создать тусклые, унылые сумерки, царящие внутри избы.

Если бы не яркое солнце, упрямо пронзающее своими острыми лучами эту пленку, то в убогой лачуге и вовсе воцарилась бы тьма.

Впрочем, особо разглядывать было нечего. В противоположном от Кости углу разместились черная закоптелая печка невиданной им доселе конфигурации с выходным отверстием, ведущим наверх, в сторону крыши, причем не доходя до нее где-то с полметра. Потолка в избе просто не имелось.

Из мебели лишь тот лежак, на котором он сейчас находился, широкая, грубо сколоченная лавка напротив и сбоку от нее такой же грубый стол. Полок на стенах, правда, было с избытком, и все сплошь заставлены горшками, горшочками и прочими крынками.

Какое-то несоответствие, некая чуждость и непривычность присутствовала и тут. Спустя некоторое время Константин понял, в чем она заключалась.

Во-первых, посуда на полках стояла исключительно глиняная, ни единой стеклянной банки или пластиковой бутылки там не наблюдалось.

Хотя, невзирая на всю скудость и убогость, пахло в избушке довольно-таки приятно. Легкую горечь от печного дыма щедро компенсировал густой дух трав, где преобладал аромат мяты, смешанный то ли с лесной хвоей, то ли с чем-то похожим на нее.

Во-вторых, он заметил, что напротив от него стояло оружие, аккуратно прислоненное к бревенчатой стене и выглядевшее весьма впечатляюще.

Когда Константин служил в армии, оружейные пирамиды видывал не раз, и его ими удивить было бы затруднительно, если бы не один «незначительный» нюанс. Вот он-то и стал этим самым «во-вторых».

Все это оружие никоим образом не принадлежало к двадцатому веку. Да что говорить, там и девятнадцатым с восемнадцатым близко не пахло. Насколько он разбирался в истории, а он всегда считал, что кое-что в ней смыслит, тут можно было вести речь, самое позднее, о шестнадцатом веке.

Дальше оружие должно было быть уже огнестрельное.

Мечи к тому времени тоже почти все перековали, но не на орала по причине регулярной военной опасности от буйных соседей, а на сабли. Перед ним же находились прямые клинки, один из которых наполовину был вытасчен из ножен, так что ошибки быть не могло. Кроме того, на столе лежали луки с колчанами стрел и прочая, прочая, прочая...

Выглядело все это, учитывая давнее, лет эдак пятьсот, не меньше, изготовление, очень и очень неплохо. Не было ни тени ржавчины, ни легкого запаха земли, которым это оружие непременно должно было пропитаться, пока столько лет в ней лежало, то есть на склад «черных археологов» это место тоже никак не походило.

В-третьих, посуда, которая стояла на столе, также смотрелась дико и непривычно.

Что чарки, что разные фигурные сосуды – от всех них веяло глубокой стариной, даже древностью, отстающей от двадцатого века по самым скромным прикидкам лет на пятьсот, не меньше.

Словом, его окружал сплошной антиквариат.

К тому же за дверью все время раздавались грубые мужские голоса и, судя по обилию употребляемых в речи архаичных выражений, обладателей этих голосов к современникам Кости отнести было тоже никак нельзя.

Это было «в-четвертых» и гармонично дополняло имеющуюся нереальную картину.

Константин начал было вспоминать, где вчера был, чтобы, отталкиваясь от этого, попытаться додуматься, что с ним случилось, но дальше веселого бурного отдыха в Адлере и отъезда назад, в Нижний Новгород, мысли не шли.

Последнее, что еще сохраняла память, – это услужливо распахнутая попутчиком дверь в тамбур и какой-то густой пар, похожий на туман. Впрочем, туману там взяться было неоткуда, значит, это был именно пар.

«Так, пока ход твоих мыслей мне нравится. Память в наличии имеется, логика тоже присутствует», – мысленно одобрил он себя и попробовал продолжить анализ, но, видать, перехвалил или сглазил, поскольку больше уже ничего вспомнить не удалось аж до самого момента утреннего пробуждения.

– А вот и медок! – с радостным воплем заскочил в избушку-развалюшку уже знакомый ему бородач, держа обеими руками увесистый кувшин, из которого он сноровисто налил в ковш какой-то желтой жидкости.

Уже приближаясь, он виноватым голосом – видно, принял за гнев нахмуренный в тяжких раздумьях лоб Константина – покаялся:

– Ты не серчай больно-то, князь-батюшка, что я задержамшись. Ведь боярин Онуфрий велел тебе нынче ни единой чарки не наливать. Опосля только смилостивился.

При этом рожа его как-то странно перекосилась, и он явно с опаской приблизился к Константину вплотную, поднося ковш прямо к его рту.

Решив на время отвлечься от мыслей о том, где он, с кем и почему, Константин протянул было руку, чтобы перехватить посудину за ручку, но в это время его настиг очередной приступ головной боли, и он приглушенно зарычал от внезапно нахлынувшей злости.

Была она беспричинной, поскольку, кроме него самого, никакого другого объекта, заслуживающего столь суровый всплеск чувств, не наблюдалось, но рожа этого не поняла и испуганно шарахнулась в сторону.

При этом ковш, который Костя не успел подхватить, был аккуратно уронен ему на колени, и ноги его тут же оказались залитыми какой-то бражкой, пахнущей, впрочем, весьма и весьма неплохо.

Хотя правильнее будет сказать, что он и не пытался взять его в руки. В этот момент, значительно больше, чем средневековый ковш с его загадочным содержимым, Константина заинтересовали... собственные руки. Они почему-то оказались... чужими.

Нет-нет, пальцы исправно шевелились, ладонь послушно сгибалась, и все же это были не руки человека, который главным образом держал в них книги, перо и учительскую указку.

Узловатые пальцы, лопатообразная ладонь с давно затвердевшими бугорками сухих мозолей, крупные рельефные вены на ее тыльной стороне, мощное запястье с широким золотым браслетом на нем – все это больше напоминало руку молодого мужчины, более привычного к физическому, нежели к умственному труду.

Это при условии, если он вообще когда-либо занимался умственной работой.

В последующую минуту в избе воцарилась тишина.

Костя тупо разглядывал, во что превратились симпатичные шаровары красного цвета, неведомо когда надетые им, а мужик с открытым ртом смотрел на него, как дикарь из какого-нибудь каменного века на работающий телевизор.

Потом, слегка придя в себя, бородач кинулся ему в ноги, старательно целуя и чуть ли не обсасывая на них пальцы и вопя что-то нечленораздельное, но очень жалобное.

Отдельные связные слова Константин стал различать только спустя минуту после начала воплей.

Из них следовало, что бородач очень раскаивается, в будущем он готов это ужасное и страшное преступление искупить, отслужить, и ежели только князь его не приберет, то вернее слуги у него по гроб жизни не будет. Он же для него в лепешку расшибется, живота своего не жалея.

Далее следовала прочая белиберда в том же духе.

При этом мужик ухитрялся все время целовать Костины ноги и в порыве усердия, протягивая к нему жалобно руки, точнее лапищи, похожие на хорошие совковые лопаты, чуть не сбил вторично ковш, лежащий на груди у Константина, в котором, судя по всему, еще оставалась добрая порция браги, весьма приятно пахнувшей медом.

Весь этот дешевый спектакль настолько граничил с издевательством, что Костя едва справился с тут же возникшим сильным желанием напрочь сорвать игру актеров какой-нибудь сумасбродной выходкой.

Единственное, что слегка его притормозило, – уж очень правдоподобная бутафория, окружавшая новоиспеченного князя со всех сторон, а также еще более сильное желание досмотреть постановку до конца.

К тому же было непонятно еще одно загадочное обстоятельство. Оказывается, шапочное знакомство со старославянским языком, которое имело место еще в пединституте, как-то вдруг переросло у него в более весомое.

Во всяком случае, он прекрасно понимал речь мужика, невзирая на огромное количество устаревших слов, которыми тот сыпал. С чего бы вдруг в нем пробудились эдакие познания?

Поэтому он, сдержавшись и окончательно решив подыграть в меру сил артистам, сказал ровным, миролюбивым тоном ползающему в ногах мужику:

– Ну все, хватит. Сядь и угомонись. Считаю, что я тебя простил.

Заткнулся тот сразу, будто ему с размаху кляп в рот засунули. Сел на пол, выпучил на Константина недоверчиво глаза и в таком положении застыл как статуя.

Новоиспеченный князь тем временем осторожненько приложился к ковшу.

Содержимое, надо признаться, пришлось ему по душе и по вкусу. Впрочем, злоупотреблять данным зельем не стоило, поскольку предстояло разобраться, что же, в конце концов, с ним приключилось.

Он уж хотел было аккуратненько порасспросить эту бородатую рожу, но тут в избу вошел приземистый дядька лет сорока пяти, одетый во что-то до жути старинное, но нарядное, и тоже с окладистой бородой, в которую он надежно запрягал и свой нос картошкой, и узенькие, как у какого-нибудь китайца, глазки.

Более того, чтобы еще надежнее скрыть свою внешность, сей мужик отрастил необыкновенно мохнатые кустистые брови. Борода его поднималась до самих глаз, а брови свешивались книзу. Таким образом маскировка обеспечивалась полностью.

Увидев вошедшего, обладатель рожи номер раз вышел из состояния ступора и довольно-таки резво отполз к лавке у противоположной стены, испуганно глядя то на него, то на Константина.

– Стременной твой горланил уж больно громко, вот я и зашел глянуть, не случилось ли чего, – пояснил цель своего прихода нарядный мужик и поинтересовался: – Али не угодил чем тебе Епифашка, князь?

Непонятно почему, но вошедший Константину сразу не понравился. Какой-то он был уж очень лживый, даже на вид. Именно поэтому Костя не стал вдаваться в подробности, а только хмуро заметил:

– Да неуклюжий он слегка, а так ничего.

Нарядный мужик, которого Костя успел мысленно окрестить жуликом, оценил ситуацию почти мгновенно. Лицо его побагровело, и он, грозно повернувшись к перепуганному стремени, замахнулся на того плеткой.

– Собака поганая, смерд подлый, – прошипел он сквозь зубы и с размаху перетянул его вдоль спины, потом ухватил за бороду и рявкнул: – Так-то ты князю нашему служишь! – Повернувшись к Константину, он льстиво и как-то уговаривающе добавил: – Дозволь, князьошко, я ему сам наказание учиню, дабы впредь руки крепко твое добро держали?

Молчавший дотоле стремениной вдруг пронзительно завопил:

– Смилуйся, боярин! Каюсь, промашка вышла! Искуплю верной службой!

– Оставь его, – буркнул Костя. – Сам накажу.

– Только ты уж его, – боярин нехотя выпустил бороду из рук, – не калечь. Стремениной он смышленый, а то, что рука у него дрогнула, так это от страха. Известно, ты поутру вельми неласков, а длань у тебя тяжелая, вот он и... – Тут он еще раз посмотрел на мокрые благоухающие штаны Кости и поморщился. – Ишь как воняет. А ну, живо порты сухие князю неси! – Уточнив: – Тока не красные, они в терему у княж Ингваря занадобятся. Да исподнее не забудь! – крикнул он вслед Епифашке, пулей метнувшись к выходу. Затем, дождавшись, когда тот убежал, подошел вплотную и шепнул вполголоса: – Может, прикажешь мне речь вести с князем Ингварем? Боюсь я, вспылить ты можешь по младости, коли он норов свой выкажет, а нам без согласия его самого, да и братьев его возвращаться к князю Глебу никак не можно.

Константин медленно махнул рукой, постепенно вживаясь в роль князя, непонятно, правда, какого.

– После решу.

– Ну гляди сам, – с еле заметной угрозой в голосе буркнул боярин. – Только опосля чтоб не каялся. Князь Глеб в первую голову с тебя, с брательника спросит, коль не справимся.

– А с тебя? – задал Костя вопрос, которым не столько пытался парировать эту явную угрозу, сколько хотел выжать еще чуток информации, так необходимой теперь.

– И с меня тоже, – покладисто согласился тот. – Только я хоть и набольший из твоих бояр, да все не князь. Посему и спрос первый не с боярина Онуфрия, а с князя Константина будет. – И он заторопился к выходу, явно довольный тем, как лихо он его, Костю, уделал, что тот аж вздрогнул.

Но он ошибался. Причина была вовсе не в испуге перед гневом неведомого князя Глеба, а в том, что этот якобы боярин назвал его настоящее имя.

«Прокол», – усмехнулся Костя, с иронией глядя в спину бородачу, который, перед тем как выйти и уже открыв скрипучую дверь, деловито добавил:

– Надо бы поспешить, княже. Солнышко вон уж всю гуляет, мы и так припозднились.

Вялый кивок был ему ответом, мол, успеем, и Константин вновь принялся размышлять.

Значит, все-таки действительно розыгрыш, поскольку князей с такими именами он на Руси практически не помнил, за исключением разве что великого владимирского князя Константина, старшего сына Всеволода Большое Гнездо, но с таким титулом пребывать в таком убожестве, пусть в качестве временного пристанища...

Но, с другой стороны, если это розыгрыш, то кому и зачем он понадобился? Это ж сколько денег надо вбухать, чтобы создать такие мастерские декорации, к которым не придерешься – до того правдоподобны?!

Будь он не Орешкиным, а новым русским и имей в друзьях точно таких же, еще можно было бы как-то понять – резвимся как умеем, денег не считаем, и все это исключительно для того, чтобы после посмеяться над доверчивым приятелем.

Но он-то простой учитель истории и таковых друзей никогда не имел. Следовательно, эта постановка должна иметь цель о-го-го, сулящую огромную или – как минимум – очень большую прибыль.

А какой с него, Орешкина, можно поиметь навар? Да никакого. Как с козла молока, а то и еще меньше.

Словом, с логикой не получалось. Буксовала она при этой версии.

Оставалось самое простое – сидеть тихо, делая вид, что он всему верит, а самому потихоньку набирать информацию и... подмечать новые проколы артистов.

Дожидался рожи, то есть стремленного Епифана, Константин недолго. Тот подскочил через пару минут с целым ворохом одежды в руках. Глаза его радостно сияли, а с пухлых губ не сходила счастливая улыбка.

С места в карьер он принялся помогать своему князю переодеваться, влюбленно поглядывая на него.

При этом стремленной не уставал тарыхтеть, не умолкая ни на секунду, и Костя, аккуратно задавая наводящие вопросы, выжал из него практически всю информацию, которой тот располагал.

Оказывается, князь Глеб Владимирович, старший на Рязанской земле, послал его, то бишь своего родного брата Константина, звать своих двоюродных братьев Игоревичей – Ингваря, Юрия и Олега, на большой сбор, дабы мирно уладить спорные имущественные вопросы, которых уже накопилось выше крыши.

Стремленной процитировал еще кучу имен, причем тоже из числа якобы братьев Константина, но всех упомянуть было просто невозможно, тем более что к остальным князьям Глеб отрядил других гонцов.

Всего же братьев, как родных, так и двоюродных, насчитывалось у Константина на Рязанщине свыше десятка.

«Ужас какой-то, – подумалось Константину. – На одну несчастную область, говоря современным языком, аж десять, если не пятнадцать губернаторов, и у каждого свой аппарат, то есть советники всевозможные, бояре, дружина, куча слуг и так далее. Плюс к этому у самих бояр тоже штаты немалые».

«Будет о чем потолковать с ребятами в сентябре», – мысленно обрадовался он и тут же нахмурился, услышав, как стремленной назвал его по отчеству.

Если б Всеволодовичем, тогда все ясно – очередной ляп, ибо дело происходит в Рязанском княжестве. Прозвучи его подлинное, то есть Николаевич, тоже понятно, что прокол, а вот Владимирович не вписывалось никуда.

Он принялся лихорадочно припоминать, но ничего не получалось, словно память странным образом заклинило. В голове всплыл всего один Константин из рязанских, которого по приказу старшего брата Ивана Калиты подло умертвили в темнице, но тот вроде бы не подчинялся никаким Глебам и сам был главным князем на Рязани, а тут...

«Или это потом он стал главным, а пока слишком молод, – осенило его, но сразу усмехнулся, иронизируя над собой. – Какой еще князь?! Глупости все это».

Орешкин снисходительно поглядел на актера, довольно-таки неплохо игравшего роль стремленного, во всяком случае достаточно убедительно, но затем вновь призадумался.

«А если все это на самом деле? Тогда-то как?» – но тут же отогнал от себя страшную мысль, которая тем не менее вернулась уже спустя минуту.

Виной тому было... его собственное тело. Точнее, полное отсутствие оного.

Нет, он не превратился в сгусток энергии или некую бесплотную субстанцию. Отнюдь нет.

Однако его личной плоти, которая по праву единственного законного собственника принадлежала Косте вот уже тридцать восемь лет, начиная с самого первого мига появления на свет божий, не существовало.

Это был железный факт, спорить о котором было просто невозможно, ибо наглядные доказательства тому начинались с самого верха и заканчивались на мизинце левой ноги, который, между прочим, был давно сломан и неудачно сросся.

Но это у него самого.

Здесь же это был мизинец как мизинец, ничем не отличающийся от своего близнеца на правой ноге.

И так куда ни глянь. Два длинных шрама на левом боку, большая родинка на правом плече – все это ему было в новинку. Зато рубец, оставшийся после удаления аппендикса, отсутствовал напрочь.

Да и с остальным не все в порядке. Руки намного мощнее и длиннее, ноги тоже крепче, хотя и не толстые, рост прибавился сантиметров эдак на десять.

В последнем тоже невозможно было ошибиться, поскольку расстояние от пола до глаз оказалось непривычно далеким.

О новом лице судить было трудно, и Константин решил отложить этот вопрос до появления зеркала или хотя бы какой ни на есть лохани с водой.

Зато непонятно как выросшую за ночь бороду он явственно ощущал уже рукой, а скосив глаза книзу, мог убедиться, что окрас ее светло-русый, стало быть, и на голове у него, то есть у князя, в смысле, – тьфу ты, черт, совсем запутаться можно – произрастают такие же блондинистые волосы.

«Чертовщина какая-то», – думал он, тупо продолжая рассматривать себя или не себя и все так же ничегошеньки не понимая в происходящем.

Никаких мало-мальски правдоподобных предположений, хоть как-то объясняющих произошедшую с ним метаморфозу, не было. Робкие гипотезы, застенчиво возникающие в мозгу, не выдерживали даже самой скромной критики и стремительно отсекались сверкающим лезвием очевидных и непреложных фактов.

Оставалась только одна догадка, чудовищно невероятная, но в которую тем не менее железно укладывалось все происходящее. Константин очень не хотел допускать ее, но ничего иного в голову не приходило. А заключалась она в том, что все это правда, пусть и неправдоподобная.

Вот такой грустный каламбур.

«Такого не бывает», – стучала в висках разумная мысль.

«А иначе как все это объяснить?» – раздавался голос из другой половины головы.

«И все равно не бывает», – не сдавалась первая половина.

«Но как же факты?» – давила вторая.

«Не верю», – бездумно упиралась первая...

«Стоп, стоп, – замотал Константин головой, останавливая этот бесконечный спор, рискующий затянуться до бесконечности и могущий и впрямь свести с ума. – Если я уже с него не сошел, – вдруг осенило его. – Ну правильно, стукнулся где-то головой, вот крыша и поехала. Лежу, поди, сейчас где-нибудь в психушке, а это все глюки. Ведь выйти из этого бредового состояния, даже если я все прекрасно понимаю, у меня почему-то не выходит...»

Он в отчаянии затряс головой, которая послушно заболела, почесал затылок и тут же охнул от острой боли.

Оказалось, что он задел рукой неведомо откуда появившуюся здоровенную, чуть ли не с куриное яйцо, шишку.

После того как встряхивание не помогло, он довольно-таки болезненно ущипнул себя. Стало больно, но и только.

«А в книжках пишут, что это первейший способ избавиться от глюков, – вздохнул он и безнадежно махнул рукой. – Остается принять участие в спектакле, сыграть в меру сил и возможностей, постаравшись запомнить побольше нового и интересного. В школе все сгодится. Хотя... какая уж тут школа. – Он горько усмехнулся. – Даже если оклемаюсь, в нее мне, бывшему психу, дорога будет навеки закрыта... Ну и ладно, – он попытался собрать в себе остатки оптимизма, – хотя бы для себя самого. А иначе... скучно будет. Эдак еще раз с ума сойдешь, только уже от тоски. Да и интересно, насколько буйная у меня фантазия».

Придя к такому выводу, Константин и впрямь слегка успокоился, даже повеселел и попытался завести с Епифаном разговор о своей семье.

После некоторых уловок и хитростей спустя всего несколько минут ему удалось выяснить, что он, оказывается, женат, супругу Кости зовут Феклой и у него растет сын Евстафий, коему уже лет десять от роду.

Кстати, едва он начал напяливать свое облачение, как ту же понял, почему так сильно перепугался Епифашка.

Костя не был силен в тканях, но даже ему, полному профану в таких вопросах, было ясно, что надеваемые им штаны на порядок ниже по качеству тех красных, которые оказались залиты медовухой.

Судя по всему, вторые революционные шаровары, которые «занадобятся в терему княж Ингваря», были последним резервом.

Вообще-то помощь Епифана для него была как нельзя кстати, поскольку средневековый княжеский наряд хоть и не шел ни в какое сравнение, скажем, с царским, тем не менее первая попытка одеться представляла изрядную сложность.

Непослушные пальцы поначалу автоматически пытались найти пуговицы, которых не было, а потом, едва речь дошла до вооружения, Константин и вовсе стушевался.

Догадки к делу не подошьешь, и ему поневоле пришлось изображать из себя эдакого ленивого сибарита, которому порой даже руку лишней раз тяжело поднять.

Путаясь в кольчужных кольцах и многочисленных замках и перевязях, он все-таки с помощью расторопного стременного водрузил на себя всю амуницию, которая сидела на нем все равно как-то не так.

Или это просто ему показалось с непривычки?

В ходе беседы, которая продолжалась, хотя Константин старался побольше спрашивать, удалось выяснить много чего любопытного и интересного.

Правда, невзирая на все старание, у него непроизвольно прорвалось-таки несколько слов, которые еще не были распространены в этом времени, но Епифан пропустил их мимо ушей, очевидно полагая, что князь будет поумнее какого-то стременного.

На выходе из избышки Костю ждало новое потрясение.

Он, конечно, не очень-то надеялся, распахивая скрипучую дверь, выйти наружу и тут же попасть в привычные для себя условия, но где-то в глубине души у него еще теплился огонек надежды.

А вдруг неведомые авторы театрализованного представления допустят где-то ошибку или одну-две неточности, в которых их можно будет уличить.

Однако мечты оказались напрасными.

То, что на дворе стояло не лето, хорошо было видно уже по обильному снежному покрову, в который Константин с хрустом провалился по самую щиколотку, едва шагнул с низенького порога избышки.

Небольшая полянка, на которой стояла лачуга, была со всех сторон окружена могучими елями. Возле одной из них из последних сил печально дымил догорающий костер.

Полтора десятка всадников, одетых столь же допотопно, как и сам Костя, уже сидели верхом на лошадях, нетерпеливо ожидая команды выдвигаться. Рядом с всадниками два человека что-то шустро загружали в приземистые сани.

Кругом царила лесная идиллия. Закутанные в снежные покрывала стройные ели толпились вокруг всадников, как восточные красавицы, готовые молчаливо и покорно исполнить любую прихоть случайных гостей. Одна была краше другой, и все без исключения кутались в белоснежную фату с хрустально-синеватой искоркой. Торжественно и строго застыли они, ожидая окончания своеобразных смотрин, которые решил устроить чрезмерно разборчивый жених.

Безмолвие природы нарушала лишь парочка красногрудых снегирей, суетливо прихорашивающихся на одной из густых и раскидистых еловых лап и не обращавших ни малейшего внимания на тех, кто внизу.

В голубом льдистом небе ослепительно сверкало яркое желтое солнце, а морозец стоял не меньше десяти градусов.

Дойдя по хрусткому снегу до саней, Константин внимательно окинул взглядом поклажу.

Ничего особенного: пара сундуков из темного дерева, щедро окованных по углам железом, которое кое-где уже лизнула ржавчина; несколько небольших бочонков с торчащими из них деревянными пробками-затычками; туго набитые чем-то мешки из грубого некрашеного холста; увесистые плетеные корзины, заботливо завязанные сверху чистыми тряпками, и прочая ерунда.

Епифан подвел коня, помог взгромоздиться, и кавалькада всадников молчаливо потянулась вслед за Константином и пристроившимся рядом с ним – стремя в стремя – боярином Онуфрием.

Ехать было легко. Санная дорога, вилявшая туда-сюда по хвойному лесу, была достаточно укатана, хотя и почти безлюдна.

За все время движения лишь один раз им встретился обоз из четырех или пяти саней, возчики которых тут же торопливо свернули на обочину и, увязая в снегу, суетливо кланялись до тех пор, пока княжеский эскорт не скрылся с их глаз.

Так они и ехали почти весь день и лишь на закате, когда солнце наполовину скрылось за деревьями, вдали, чуть ли не посреди огромного поля стали отчетливо видны деревянные стены явно средневекового города.

Как выяснилось, это был Переяславль Рязанский, вотчина Ингваря Игоревича со своими братьями, княжившими неподалеку от него: один в Борисове-Глеbove, другие еще где-то, но все в таких городах, названий которых на территории Рязанской области Константин совершенно не помнил, словно таковых и не было вовсе.

Во всяком случае, за ближайшие к его времени двести – триста лет он мог твердо ручаться.

Все это время Онуфрий потихоньку бубнил, старательно инструктируя князя, поучая, как себя вести. Как подходить, как кланяться, не умалив своего княжеского достоинства и в то же время выказав должное уважение хозяину. Какие речи вести да как обойтись с хозяйкой терема, то бишь женой Ингваря, какие подарки вручить и какие слова при этом сказать и много еще чего в том же духе.

Уже спустя первые десять – пятнадцать минут Константин уловил, что в этой речи ему так не понравилось. Таковую речугу обычно закатывают перед каким-нибудь великовозрастным дебилом с олигофренией средней тяжести.

Нет, ему-то лично Онуфрий бесспорно оказал важную услугу – он же ничего такого не знал. Но если учесть, что на самом-то деле слова боярина были адресованы человеку, который должен был быть прекрасно осведомлен во всем этом, то становилось ясно, какого мнения Онуфрий об умственных способностях своего князя.

Константин поначалу хмуро кивал, пытаясь не выдать свое дремучее невежество и показывая всем своим видом, что и сам это все знает, только лень говорить по причине жуткой головной боли, хотя на самом деле уже ничего не болело – спасибо «лекарству» из кувшина.

Потом так же лениво он стал подкидывать различные вопросы и, видать, переборщил, поскольку к концу инструктажа Онуфрий как-то подозрительно стал на него поглядывать и наконец не выдержал и осторожно заметил:

– Уж больно ты нынче странный, князь-батюшка.

– Чем же?

Тот опять замялся ненадолго, чтобы подыскать, по всей вероятности, ответ поделикатнее, но потом нашелся и заявил:

– Да ранее тебе все боле бочонки с медом в интерес были, а нынче и в дела княжьи вникать начал, да с умом.

– А раньше как же? Без ума, что ли? – грозно спросил Константин, при этом, конечно, больше играя, нежели возмущаясь на самом деле.

– Да нет, – быстро поправился Онуфрий. – Только интереса в тебе не было. Равнодушие одно, а ныне вон как... И вопросы все задаешь тоже с умом, нужные, – добавил он.

– Раньше мне и не доверяли так, – нашел Костя правдоподобное объяснение. – А нынче, коль князь Глеб такое важное поручение дал, надобно его исполнить в лучшем виде.

Боярин вновь закивал, охотно соглашаясь с ним, и ненадолго замолчал, тем более что из ворот города, до которого осталось не больше километра, выехала группа всадников, явно направляясь в их сторону.

Глава 2

А попутчики бывают разные

*Как силуэт, отраженный в окне
Долгой вагонной дороги,
Изморось дней в очищающем сне
Взвезят небрежные боги...*

Андрей Белянин

Нет смысла детально описывать различные мелкие подробности, которым Костя не уставал удивляться.

За первые часы своего пребывания в новом облике он понял лишь, что история в теории и история на практике – это две совершенно разные вещи, и даже если ты считаешь себя неплохим знатоком прошлого, то это вовсе не мешает тебе оказаться абсолютным профаном.

В этом на собственном опыте убедился и Костя уже в первый день пребывания в княжеском теле.

Встретили их хоть и не очень-то любезно, но вежливо. Именно так принимают посла враждебного государства – соблюдая все правила приличия и ничем не умалив достоинство дипломата, но в то же время давая понять, что с теми, кто стоит за его спиной, суровый разговор далеко не окончен.

Так и здесь – вроде бы все соблюдено, да и слов обидных сказано не было, но чувствовалось, что и сам Константин, то есть князь, и его брат Глеб весьма неприятны встречавшим его хозяевам города – Ингварю, Юрию и Олегу. Причем неприятны не только как, скажем, более удачливые соперники, овладевшие рязанским столом, но и как личности.

Судя по всему, где-то когда-то судьба их уже сводила вместе, возможно, даже не раз, и воспоминания от этих встреч у того же Ингваря остались не совсем приятные.

Зато от всего остального впечатления у Кости были самые радужные.

На некоторое время он даже забыл о нереальности окружающего мира и с жадным восторгом впитывал в себя все, что открывалось его глазам.

Миновав добрых полторы сотни деревянных хибар с заснеженными огородами и приземистыми деревцами, тесно окружившими каждую из халуп, они наконец добрались до крепостных сооружений.

Судя по ним, чувствовалось, что хозяева города бдительности не теряют. Глубину рва не определить – мешал снег, а вот стены – скорее всего бревенчатые – плотно укутаны снегом, усердно залитым водой.

Ошибиться Константин не мог – плотная корка льда отчетливо искрилась в лучах низко нависшего над горизонтом солнца. Ребятам раздолье, а осаждающим – мучение.

Затем перед ними предстали распахнутые настезь крепкие дощатые ворота, стянутые сверху и снизу широкими железными полосами.

Над воротами угрожающе зависла большая квадратная башня, сложенная из обычных дубовых бревен. Дальше начинался уже сам город.

За все это время людей на улицах посада, кроме нескольких ребятишек в драных шубейках, с радостным визгом барахтающихся в сугробах, Константин почти не видел.

«Ага, реквизита одежного уже не хватает», – возликовал было он, но затем притих, ибо едва они въехали в сам город, как людей на улицах заметно прибавилось.

Причем каждый из случайных прохожих, куда бы он ни шел, едва заметив вереницу всадников, останавливался и чуть ли не с раскрытым ртом внимательно разглядывал Костю и его спутников, пока те не уезжали далеко вперед, исчезая из поля видимости.

Одежда на всех горожанах, встреченных по пути к княжескому терему, разнообразием не отличалась. Если мужик – стало быть, на нем шапка из темной или светлой овчины, такая же шуба, тулуп или зипун – поди пойми, как оно тут называется, да и головные уборы также особой изысканностью не страдали. На ногах лапти, реже сапоги.

Женский пол почти не отличался от мужского, разве что на головах у баб были тяжелые темно-серые платки вместо шапок, а особы помоложе поверх них накидывали что-то более узорчатое и яркое.

Зато в княжеском тереме и с одеждой, и с обувью разнообразия было не в пример больше.

Дворовые люди, которые шустро приняли конские поводья у изрядно притомившегося с непривычки Константина, тулупов не имели вовсе. Зато рубахи у них были чуть ли не всех цветов, а у некоторых еще и с узорами, шедшими узкой полосой по вороту.

Аналогично и с обувью – здесь уже не редкостью были сапоги, хотя и тут попадались лапти.

Вечером, дав всем прибывшим время переодеться и вообще привести себя с дороги в порядок, Ингварь закатил пир.

Гостей усадили в самой большой светлице терема – где-то метров пять на восемь, и все дружно обменивались комплиментами, не забывая воздавать должное закускам, щедро выставленным на широком столе, установленном буквой Т.

Перекладина этого стола находилась на небольшом возвышении типа помоста, и сидели за ним всего семеро.

В середине, разумеется, сам Ингварь, уже седоватый, в годах, коренастый и плотный; рядом его супруга, которой Костя успел отвесить не менее пяти комплиментов, отчего она раздурманилась не на шутку. По другую руку от князя сидел старший сын хозяина, тоже Ингварь, совсем молодой темноволосый юноша.

Тут же расположили Костю с боярином Онуфрием и еще двоих князей, статус которых – то ли гости, то ли совместные с Ингварем совладельцы Переяславля. Вообще-то такое, насколько знал Орешкин, бывало часто. Даже Москву, точнее доходы с нее, причем гораздо позже, великий князь завещал сразу всем своим сыновьям в равных долях, так что уж тут говорить про Переяславль.

Словом, точный их статус Константин так и не понял, но что родичи – точно. Оба они – и Олег, и Юрий – являлись родными братьями Ингваря.

Кстати, поначалу и тот и другой, как и Ингварь-старший, поглядывали на гостя с легким изумлением, и лишь к концу вечера их холодная сдержанность наконец уступила место подлинной сердечности – оттаяли все трое.

А вот Онуфрий, как подметил с некоторым удовлетворением Орешкин, скорее уж наоборот – чем дольше слушал своего князя, тем больше диву давался.

Первый раз он ошалело вытаращил глаза, когда Константин, отхлебнув грамм сто из вместительного, на пол-литра, не меньше, кубка, поставил остальное на стол и принялся не спеша закусывать.

Спустя минут десять они у него вообще чуть не вылезли из орбит – это когда Костя произнес ответную здравицу в честь хозяев сего дома, попутно процитировав Рудаки и Омара Хайяма, которые, насколько он помнил, давно и благополучно скончались, а значит, никакой исторической накладки произойти из-за этого не могло.

Хотя, с другой стороны, опасаться не имело смысла. Откуда здесь взяться знатоку Востока? С тем же успехом можно было бы преспокойно цитировать Пушкина или Некрасова. Но это он осознал позже.

Словом, новоиспеченный посол или дипломат успевал все, отбросив тягостные мысли насчет своего непонятого и невероятного появления здесь и восприняв как данность тот непреложный факт, что чудеса на свете случаются и с ним приключилось одно из них.

Это, разумеется, если он не лежит сейчас на самом деле в каком-нибудь сумасшедшем доме, в палате для особо буйных.

С другой стороны, если это и так, то изменить ситуацию все равно не в его силах, и остается наслаждаться жизнью, которая – вполне вероятно – реальна лишь в его воспаленном мозгу, внезапно пораженном острым приступом шизофрении. Впрочем, даже при таких мыслях аппетит у него не угасал, благо на столе чего только не было.

Про обычное мясо типа свинины вообще говорить не имеет смысла, но тут и дичи всевозможной тоже было в изобилии: и зайцы, и лебеди, и рябчики, и тетерева.

Еще краше оказался рыбный ассортимент: осетрина и лососина, щука и сиговина, и даже какая-то «ветряная белужья спинка», которую очень настойчиво предлагал отведать старший Ингварь, ссылаясь на то, что делал ее смерд-умелец и больше такого чуда Костя отведать никогда и нигде не сможет.

Грех отказывать радушному хозяину – и все покорно пробовалось, пригублялось, отведалось и не только.

Даже когда живот Кости уже надулся будто барабан, рука вопреки его воле продолжала тащить в рот куски нежной, тающей белужьей спинки.

При всем том он не забывал и о своей дипломатической миссии, отвечивал комплименты направо и налево, шутил, толкал тосты один за другим, и ближе к концу этого веселого мероприятия хмель изрядно его продрал.

Голова еще продолжала соображать, мозг тщательно взвешивал каждое слово, для чего пришлось поднапрячься и вспомнить все, что он знал из древнеславянского, да и координация движений еще сохранялась, но к своему очередному четвертому или пятому кубку с медовухой он только прикладывался губами.

Онуфрий к этому времени изрядно осовел и, окончательно уверившись, что князь не напьется как свинья, позволил себе расслабиться.

Одно время он пытался на правах опекуна помогать, вставляя свои несчастные три копейки в те непринужденные великосветские беседы, которые вел Костя, но затем, не столько поняв, сколько почувствовав, как невыгодно смотрятся его тяжеловесные и порою весьма грубоватые речи на фоне витиеватых княжеских кружев, замолк.

Лишь изредка он старательно кивал, как бы присоединяясь к сказанному Константином, и подавал одобрительные односложные реплики, ни к чему не обязывающие, но в то же время показывающие, что он тут, все время рядом, на боевом посту.

Разошлись все по опочивальням, учитывая масштаб застолья, довольно-таки рано, где-то часов в десять-одиннадцать.

Впрочем, можно было и продолжить, но предложение хозяина дома пойти опочить Костю вполне устроило по многим причинам.

Во-первых, он и впрямь устал, уж больно день оказался насыщенным, во-вторых, он во многом еще до конца не разобрался, а в-третьих, ему надо было – и лучше всего сегодня, чтобы завтра поутру на свежую голову осталось только подкорректировать, – выработать дальнейший план своего поведения.

В светелке, куда его довел слуга, проведя по двум узеньким коридорчикам и лесенкам, а потом оставив перед дверью и отдав свечу, он оказался не один.

Бабенка, энергично взбивавшая перину на его ложнице², на первый взгляд была очень даже ничего, во всяком случае со спины.

Когда она испуганно обернулась на шум, стало понятно, что она даже более чем ничего, да что там – просто хорошенькая.

Костя еле удержался, чтобы не сказать ей что-нибудь в духе двадцатого века, но вовремя спохватился, тем более что вслед за ним ввалился Онуфрий, который шумно сопел и, дождавшись ухода прислужницы, завел с князем длительный разговор насчет завтрашней беседы с Ингварем и его братьями.

Костя машинально кивал, даже когда не совсем понимал ход мыслей боярина, и, с трудом дождавшись долгожданного одиночества, смог наконец поразмыслить в уединении над тем, каким образом он сюда попал.

Догадка пришла к нему спустя несколько минут. Словно что-то щелкнуло в голове, яркой вспышкой почти с фотографической точностью осветив все то, что произошло с ним накануне.

Черт знает почему Константин пустился в бурный поток откровений, сидя в тот теплый летний вечер в купе поезда Адлер – Нижний Новгород.

Вагонные колеса выбивали обычную монотонную дробь на стыках рельсов, единственный попутчик, представившийся Алексеем Владимировичем, понимающе покачивал импозантной седой шевелюрой, а Константин заливался соловьем, перечисляя те ошибки, которые, на его взгляд, допустили идиоты, по иронии судьбы допущенные к власти.

Старомодное пенсне на крупном благородном носу попутчика посверкивало чистенькими стеклышками, подбадривая и поощряя на еще большую откровенность.

Впрочем, старомодным оно выглядело бы, если бы самым гармоничным образом не сочеталось с одеждой этого человека.

Строгий светлый костюм-тройка, нежно-голубая рубашка с сочно-синим галстуком превосходно дополняли его. Довершала изысканную композицию небольшая седая бородка и снежно-белая прическа со строгим, чуть ли не геометрически правильным пробором.

Морщин на лице почти не было, а те немногие, что имелись, строгого обаяния отцветающей красоты ничуть не портили. Даже цвет глаз идеально соответствовал галстуку – темно-синий, почти фиолетовый.

Профессия Алексея Владимировича, которую он назвал во время знакомства, звучала не менее респектабельно и внушительно – доктор физико-математических наук, специализирующийся на проблемах космоса.

Однако даже не внешность, а какое-то необъяснимое словами внутреннее обаяние оказалось столь неотразимым, что Костя вот уже битых три часа молот язык.

Единственные десять минут, которые прошли в относительном молчании – время чаепития. Сразу же после него последовало продолжение Костиного монолога.

Он и курить-то за все это время ни разу не выходил – не хотелось.

Пожалуй, за всю свою жизнь Костя ни разу ни с кем так не откровенничал.

А зачем?

История все равно не имеет сослагательного наклонения по принципу «а вот если бы не было бы того-то, то не случилось бы и то-то». Оно было, и оно случилось. Исправить последствия можно, но отменить случившееся нельзя.

Кому же это знать, как не ему – учителю истории в средней школе. Причем весьма неплохому учителю, не только знающему свой предмет, но и умеющему заинтересовать им своих учеников, включая отпетых лоботрясов.

² Л о ж н и ц а – кровать.

Впрочем, отношения с коллегами у Константина были тоже весьма ровные и, можно даже сказать, дружелюбные, невзирая на то что последние три года только его ученики выезжали на городские олимпиады знатоков прошлого, занимая там высокие призовые места.

А не далее как в этом году они вообще взяли все три места – с первого по третье, на что обратил внимание директор областного департамента образования, благодаря чему Косте и вручили в качестве премии бесплатную путевку в один из сочинских санаториев.

Не будь ее, сам он никогда бы не поехал на юг. На какие шиши-то?

Однако отпуск, юг и прочие радости были практически позади. Впереди его ждал еще месяц отпуска, но это уже было все не то, и настроение у него, как стрелка барометра, устойчиво и грустно стояло в тот вечер на печальном «дождь».

Может быть, именно потому, сидя сейчас в купе поезда, Константин продолжал щедро изливать душу своему случайному попутчику.

До изложения своих взглядов на современную политику он успел рассказать Алексею Владимировичу о себе. Поведал он о своих замечательных родителях, о родственниках и о великолепном городе детства Ряжске. Рассказал о личной жизни, которой после неудачной женитьбы, быстренько завершившейся банальным разводом, по сути, и не было, после чего незамедлительно перешел к истории.

Перебив кости почти всем царям и императорам, он поднялся вверх по течению исторической реки и обрушился на современную цивилизацию.

Алексей Владимирович все это время не молчал как истукан – он слушал и делал это мастерски, словно талантливый психолог. В ответ на рассуждения Орешкина он в меру поддакивал, но даже когда не соглашался, то выражал свои сомнения в весьма деликатной форме, причем точно вычленял слабые места в рассуждениях Кости, что побуждало последнего к еще большим откровениям.

Вот и после критики современности он мягко заметил:

– Нельзя служить двум господам: богу³ и Мамоне⁴. Увы, но земная цивилизация окончательно склонилась на сторону последнего.

Крыть было нечем, но Костя все-таки попробовал.

– И сейчас есть люди, достойные всякого уважения, – искренние, порядочные, честные, добрые. Правда, их все меньше. А в целом вы, конечно, правы, – вздохнув, согласился он. – Только почему вы так произнесли слово «земная», словно отделяете себя от всех прочих?

– Очевидно, из-за постоянного общения со звездами, – обезоруживающе улыбнулся Алексей Владимирович. – Да и не в этом дело. Главное в ином. Помнится, еще в Библии почти везде указывается на вражду бога и дьявола. Две эдакие главные противостоящие силы. Некогда они, невзирая на отчаянное сражение между собой, в какой-то мере были одинаково сильны, то есть имелось равновесие. Пусть шаткое, неустойчивое, но было, а сейчас... – Алексей Владимирович закрыл глаза и нараспев продолжил: – И уходили в небытие святые, но плодились в изобилии грешники. И уже редко кто каялся, свершив черное и собираясь сотворить его вновь и вновь. А сильные мира сего даже добро творили исключительно из необходимости и корысти, ища и в нем некую выгоду для себя. И тьма все прочнее вселялась в людские души, и таял теплый свет надежды и веры в добро, рассыпаясь на печально гаснущие во мгле искорки. – Он открыл глаза, печально улыбнулся и заговорил уже обычным голосом: – Глядя на творящееся вокруг, я действительно думаю, что как раз сейчас этому равновесию грозит гибель, ибо дьявол очень сильно нажал на свой конец доски.

³ Здесь и далее, чтобы соблюсти равноправие и справедливость – ведь не пишем же мы Бог Сварог, Бог Перун, Богиня Мокошь и т. д., к словам «бог», «господь», «всевышний», «богородица», «аллах» и т. д. автор применил правила прежнего советского правописания.

⁴ М а м о н а, М а м о н – древний бог богатства у ряда семитских племен.

– Ну-у, мы-то с вами современные люди, – поправил Костя, – а эти разговоры о дьяволе и боге...

– А какая разница? – равнодушно пожал плечами Алексей Владимирович. – Суть ведь не в терминах. Можно назвать и иначе. Например, схватка между Добром и Злом. Или, что ближе к моей работе, между упорядоченным Космосом и диким Хаосом.

– Для Вселенной земные масштабы несколько маловаты, – не согласился Орешкин.

– А это как на войне, – пояснил попутчик. – Иногда на отдельном участке удачные или, напротив, неудачные действия одного взвода оказывают существенное влияние на результаты целого полка, а то и дивизии. Понимаете, исходя из наших последних открытий, Хаос во Вселенной продолжает иметь место, причем стремится к расширению.

– А при чем тут Земля?

– Видите ли, в этом мире, согласно неутешительным прогнозам ряда ученых, планете осталось существовать самое большее два-три десятка лет, а дальше грядет гибель всего живого в результате ядерной катастрофы. Более того, Земля расколется, причем – это уж поверьте мне как специалисту – несколько обломков обязательно будут притянуты Солнцем и врежутся в него.

– Но это же мелочь для нашего светила, – возразил Костя. – Я конечно же не специалист, но...

– Об этом знают далеко не все, – впервые Алексей Владимирович позволил себе перебить собеседника, – но есть теория, которая совсем недавно была подтверждена рядом фактов. Так вот, оказывается, наша звезда на самом деле не очень-то устойчива, и произойдет что-то типа попадания легкой искорки в большой воздушный шар, наполненный водородом. Одним словом, более чем вероятно, что неизбежным следствием станет вспышка сверхновой, которая окажется убийственной для всей галактики. Все бы ничего, но и та в свою очередь является одним из важнейших стратегических пунктов разумного Космоса, так что если Хаосу удастся его захватить, то процесс обязательно пойдет по нарастающей. Короче говоря, это станет его окончательной победой.

Константин призадумался, не замечая пристального взгляда своего попутчика. Да уж, сведения, которые сообщил Алексей Владимирович, не вдохновляли. Разве только его собеседник утрирует, изрядно сгустив краски.

– И что, иные варианты не допускаются? – уточнил он.

– Отчего же, – пожал плечами Алексей Владимирович. – Вполне. Только вот со взрывом Земли, а потом и Солнышка, почти гарантия. Там как раз ничего изменить нельзя. Отправить человека в прошлое, чтобы он каким-то образом внес изменения в историю, и то легче.

– Теоретически, – сразу уточнил Орешкин, – ведь путешествия такого рода невозможны.

– Это вы про убийство собственного прапрадедушки, – догадался Алексей Владимирович и презрительно отмахнулся. – Примитив. Поверьте, что куда сложнее, существуй такие путешествия, была бы иная проблема – найти добровольца.

Ну уж тут Константин решительно не согласился, принявшись горячо убеждать, что с этим вопросом бы не возникло. Только в среде ученых-историков подобных энтузиастов отыскивались бы десятки, если не сотни.

Алексей Владимирович некоторое время молча слушал своего собеседника, время от времени, как обычно, слегка кивая породистой головой, но потом лениво заметил:

– Это лишь так кажется. А вот представьте себе, что я являюсь, ну, скажем, представителем космического разума, который материализовался здесь всего на несколько суток с целью пригласить одного из жителей этой планеты для участия в некоем загадочном эксперименте, связанном с путешествием в прошлое. И вот я говорю вам, что вы нам подходите. Итак, хотите принять участие?

Орешкин уже открыл рот, чтобы выпалить «Да», но Алексей Владимирович с добродушной улыбкой протянул руку, положив ее на Костину ладонь, и заметил:

– Только ответ попрошу дать по-настоящему серьезный и взвешенный, будто это все на самом деле.

Орешкин уверенно кивнул, мол, а как же иначе, но согласия, как собирался, дать не успел – все слова застряли у него в горле, так и не выйдя наружу, ибо у него возникло странное чувство.

С одной стороны, он прекрасно понимал, что к сказанному следует отнести пусть не как к шутке, но как к чисто теоретическому варианту, а с другой...

На миг он внезапно увидел в зрачках своего попутчика всю Вселенную: сверкание звезд и хитросплетение полей, вихри межзвездного газа и покой вакуума, неисчислимое мерцание звезд в ее центре и страшные черные дыры, которые пронизывали ее тут и там.

А еще он увидел такое, чего при всем желании никогда и никому не смог бы поведать, потому что и сам постиг из увиденной феерии едва ли одну десятую, не более.

И тут у него создалось впечатление, что говорил его попутчик всерьез и предложение сделал не в шутку.

Бред, конечно, просто помутнение рассудка, но Костя отчего-то призадумался.

Ну кто такой Орешкин, чтобы лезть в герои человечества?

Да никто.

Не знаток восточных единоборств, не спортсмен. Если не считать мальчишеского увлечения фехтованием, возникшего после прочтения «Трех мушкетеров», которое, кстати, он забросил после нескольких месяцев, он не занимался всерьез ни с одним видом оружия.

Словом, тем суперменам, которые сплошь и рядом в бесчисленных фантастических книгах одолевают кучу злодеев и спасают прекрасных принцесс, он в подметки не годился.

Кроме того, что касается головы, то бишь ума, то он не стратег войны и не гений политики. В психологии опять же плохо разбирается, да и вообще...

Даже знание истории и то... Да, когда-то он всерьез нацеливался на аспирантуру и даже ухитрился накатать ряд статей, то есть плюс имеется. Однако и он, положив руку на сердце, слабенький.

Во-первых, все это было давным-давно.

Во-вторых, смотря в какую страну и в какое время отправиться. Одно дело, если это окажется Русь, и совсем иное, если...

Поерзав в нерешительности на своей полке и попутно прихлопнув назойливого комара, Константин неуверенно обратился к Алексею Владимировичу:

– А мог бы я в этом случае задать хотя бы несколько вопросов? Ну, например, зачем вообще понадобился этот эксперимент?

– Я же сказал, спасти планету, – мягко улыбнулся тот. – Знаете, как-то на днях имел довольно-таки долгую беседу со своим школьным однокашником, который сейчас довольно-таки крупный историк, так вот он высказал одну любопытную мысль. Мол, если бы можно было спасти ряд людей, которым в дальнейшем было бы суждено изменить ключевые моменты истории, то и все развитие мировой цивилизации пошло бы иначе... – Алексей Владимирович неопределенно поболтал рукой в воздухе, после чего, лукаво улыбаясь, осведомился: – Так как, поехали бы в прошлое?

Воцарилась тишина.

– А кого именно спасти, ваш товарищ не говорил? – не выдержал Константин.

– Что-то говорил, но я, признаться, не запомнил, – сокрушенно повiniлся Алексей Владимирович. – Знаете, с детства на имена и фамилии память не ахти. Впрочем, это и не существенно, ведь это только теория, хотя даже тут вы мне не дали положительного ответа, что и требовалось доказать.

– Но как-то это... – смешался Костя. – В конце концов, вы, как представитель, сам бы все сделали куда лучше, чем любой землянин.

– Возможно, – согласился попутчик. – Но давайте предположим, что ни мне, ни кому бы то ни было по этическим мотивам нельзя вмешиваться в процесс развития разумной жизни, где бы она ни возникла.

– Поди туда, не знаю куда, чтоб спасти того, не знаю кого, – прокомментировал Орешкин. – Проще самому космическому разуму... – Но сразу спохватился: – Ах да, принципы. – И, не удержавшись, съязвил: – Какой-то этот разум в вашем представлении чересчур бездушный. Хотя, конечно, куда проще чужими руками.

– Вы что-то путаете, уважаемый Константин Николаевич, – не остался в долгу специалист по космосу. – Смею заметить, что принцип и состоит в том, чтобы все осуществлялось не чужими руками, но самих землян.

– По-моему, когда речь идет о существовании цивилизации, принципы можно было бы ненадолго отодвинуть в сторону, – сердито проворчал Костя.

– И снова ошибка, милейший, – возразил Алексей Владимирович. – Это ж не табуретка и не стул, чтоб сегодня его поставить в одно место, завтра для удобства в другое, послезавтра в третье. Эдак даже стул быстро расшатается, и придется его вообще выкинуть из дома, а что уж говорить о принципе.

Константин почесал в затылке. Вообще-то все правильно, крыть нечем. Но и молчать не стал, заметив, что добро по своей сути, к сожалению, чересчур пассивно.

– Это верно, – подтвердил его сосед по купе. – Но причина и состоит в принципах, ибо главный из них как раз заключается в том, чтобы не навредить. Отсюда непреложное правило – наблюдать, но не вмешиваться.

– А зло меж тем времени не теряет.

– И снова по той же самой причине, – подхватил Алексей Владимирович. – Оно ведь не имеет принципов, потому и деятельно, ибо ничем не стеснено. Да и его наблюдатели, к сожалению, не только наблюдают. Но все равно принцип даже в этом случае нарушать никто не будет. – И улыбнулся. – Помнится, в одной из книг так и сказано: «Дело помощи утопающим – дело рук самих утопающих».

– Мне всегда казалось, что в «Двенадцати стульях» это выражение использовалось несколько в ином смысле, чтобы показать...

– Не стоит продолжать, – перебил Алексей Владимирович. – Я помню. Однако, на мой взгляд, оно имеет и еще один, так сказать, более глубокий смысл, который куда мудрее – пока утопающий сам не захочет спастись, его спасать ни к чему. Другое дело – подсказать, в чем заключается спасение. Это можно и нужно, но выручать себя из беды все равно должен он сам. Возможно, это звучит жестко...

– Скорее уж жестоко, – проворчал Константин.

– Пусть так, – не стал спорить Алексей Владимирович. – Но речь не о том. Вы, кстати, никогда не задумывались, почему всякие там инопланетяне, сидящие в НЛО, упорно не желают вступить в контакт с человечеством, предпочитая только наблюдение?

Орешкин недоуменно пожал плечами, поинтересовавшись:

– А эти самые НЛО вообще, на ваш взгляд, существуют?

Сам он в глубине души считал, что на девяносто процентов все летающие тарелки либо высосаны из пальца прохиндеями-журналистами, либо пригрезились людям с неустойчивой психикой, которые лишь по счастливой случайности еще не угодили в дурдом.

Правда, оставались еще десять процентов, но их Костя относил к естественным природным явлениям, объяснить которые современная наука не в состоянии.

– Есть, – кивнул его сосед по купе. – Поверьте мне как специалисту.

Он не стал договаривать, пояснять, аргументировать, но Орешкин вдруг с удивлением обнаружил – ему вполне хватает и этого голословного утверждения, чтобы поверить. Ему, скептику и Фоме неверующему, которому всегда требовались доказательства в виде непреложных фактов, как ни странно, сейчас хватило короткого ответа «есть».

Просто чудно.

– Так вот, на контакт они не идут, потому что... не с кем идти, – продолжил Алексей Владимирович. – Увы, но до всего надо дорасти, а земная цивилизация, к сожалению, напоминает буйного, да вдобавок еще и умственно отсталого карапуза, который научился лишь драться, не думая о последствиях, а также строить и изобретать нечто, толком не понимая зачем. Мало того, так он еще и продолжает гадить куда ни попадя.

Слова были суровыми, но увы – и тут спорить не имело смысла. Не станешь же вступать в дискуссию с врачом, поставившим пациенту диагноз? А уж то, что он неутешительный, извините.

Так и тут.

Конечно, сравнение было, мягко говоря, несколько грубоватым, но по большому счету верным.

«И впрямь, драться да гадить – вот и все, что мы освоили на самом высоком уровне, – с грустью подумал Костя, – а остальное... Увы, но со святыми в этом мире всегда был изрядный дефицит, а уж сейчас...»

– Нет возражений, – недовольно проворчал он, но, не желая оставаться в долгу, заметил: – А что ж наблюдатели-то все это время помалкивали? Могли бы, как мудрые воспитатели, вмешаться, да не тогда, когда уже поздно, а куда раньше. – И саркастически усмехнулся. – Ах да, забыл про принципы.

– Нет, на сей раз они как раз ни при чем, – неожиданно возразил Алексей Владимирович и смущенно замялся. – Тут, знаете ли, все объясняется несколько проще.

А дальше он изложил еще одну версию, на сей раз о знаменитом Стоунхендже, который на самом деле есть не что иное, как огромный передатчик, выдающий всю информацию о Земле в космос, а кроме того, еще и поддерживающий Солнце в устойчивом положении.

В качестве доказательства он привел в пример, что тот был совсем не случайно установлен именно таким образом, что его северо-восточный вход смотрел точно на восход солнца в день летнего солнцестояния.

Сигнал же к звезде посылался с помощью «лунок Обри»⁵, в которых первоначально были установлены своего рода антенны... Но тут в ход пошли математические формулы, и Константин мало что понял – не силен ни в физике, ни в математике.

В ответ на резонные возражения Константина, что масштабы Стоунхенджа и Солнца несопоставимы, Алексей Владимирович привел в пример гигантский компьютер, который может выйти из строя по причине неисправности маленького микрочипа.

Изящно выкрутился он и относительно сбора передаваемой информации.

Дескать, сам мегалит был предназначен только для передачи сведений, поступающих к нему от точно таких же сооружений, разве что несколько меньших размеров, которые раскиданы в мире аж в двухстах местах по определенной схеме.

Более того, согласно его утверждению, после того как один из ученых, занимающихся этой проблемой, выстроил математическую модель их размещения, согласно ей впоследствии удалось найти в местах, которые он указал, порядка шести или семи останков микро-Стоунхенджей, тоже разрушенных. Кстати, один из них совсем рядом, то есть не просто в России, но на Мещере.

⁵ Л у н к и О б р и – 56 углублений, расположенных по кругу и выкопанных прямо за внутренним валом внутри Стоунхенджа. Названы по имени антиквара, обнаружившего их в 1666 г.

На резонное возражение Орешкина о том, что устройство, стабилизирующее звезду, логичнее всего было бы разместить на самой звезде, его соседу по купе тоже было что ответить.

Мол, нельзя было устанавливать объект на Солнце. Во-первых, проблематично, а во-вторых, куда больше возни. Дескать, тут имело место правило рычага – чем больше плечо, тем меньше усилий.

Можно было бы разместить его и дальше, например на Марсе, тогда понадобилось бы еще меньше трудов, зато на Земле этот объект мог не только подавать сигнал, но и заодно сообщать всю нужную информацию сразу и о Солнце, и о Земле.

Потому сейчас звезда и стала неустойчивой, что Стоунхендж вышел из строя.

– Что-то у вас тут не сходится насчет космического разума и высокого предназначения Стоунхенджа. Уж больно вид у этого сооружения, как бы это сказать... – Константин замялся, подбирая нужное слово, но его сосед по купе успел раньше.

– Корявый и неказистый? – подхватил он.

– А еще громоздкий, – проворчал Константин.

– Так это обычная мимикрия, – пожал плечами Алексей Владимирович. – Куда проще подстроиться под соответствующую эпоху. Было бы другое время, использовали бы иные материалы. Громоздкий же именно потому, чтобы его невозможно было развалить. Во всяком случае, имеющимися у людей на тот исторический период подручными средствами.

– А просто взять и починить его не судьба? – язвительно осведомился Константин. – Неужто запчасти кончились? Да и принципы для этого вроде как нарушать не надо. Или на этот счет есть еще один, особый?

Алексей Владимирович терпеливо снес издевку, заверив, что очень даже судьба и никакие принципы тому не помеха, но время безвозвратно упущено, ибо поломка произошла сравнительно недавно – по космическим меркам, разумеется, – и как раз за это время развитие цивилизации даже не пошло вперед семимильными шагами, а скорее, полетело.

– Ну хоть тут мы лидеры во Вселенной, – усмехнулся Орешкин.

– Не мы, – поправил сосед по купе. – Помните, что я говорил о пассивном Дobre и активном Зле? Поверьте, что далеко не случайно в Библии одно из имен дьявола именно Люцифер.

– Лучезарный, – кивнул Константин.

– Именно, – подтвердил Алексей Владимирович. – Он знал, чем можно соблазнить человека, да и прием этот давно испытан им. Если кратко, то он заключается в одном слове: «Давать». Причем сразу, щедрой рукой, не откладывая на потом, когда человек будет готов к правильному использованию получаемых подарков.

– Да-а, соблазн велик, – согласился Костя, представив сиюминутное исполнение собственных желаний.

– Велик, – подтвердил Алексей Владимирович. – Вот только когда света слишком много, то неизбежно наступает слепота, а вслед за ней неизбежное тыкание из угла в угол и, в качестве финала, тупик. Правда, и в этом тупике есть еще одна забава – поиграться с красной кнопкой, каковую человеческие пальцы уже нащупали на стене, но еще не нажали. Пока не нажали, – уточнил он.

Костя вздохнул и заметил:

– Скорее всего, сейчас этот разум если бы и стал выбирать, то где-нибудь на Западе, в Штатах или, на худой конец, в Китае, а уж никак не в России, которая в нынешнем тысяча девятьсот девяносто восьмом году если и флагман, то среди стран третьего мира.

– Что ж вы так непатриотичны? А вот мне думается иначе, – возразил его седовласый собеседник. – Вы сами-то никогда не задумывались, что, пожалуй, на всей планете не найдется другой такой нации, у которой столь ярко выражены доброта, самопожертвование,

умение понять и простить, любовь и понимание – в крайнем случае, попытки к такому пониманию – всего живого. А еще стремление и умение идти до конца, даже если дело заведомо проигрышное, но сам человек уверен в собственной правоте. Все это складывается воедино и образует духовное здоровье нации. Заметьте – не внешнее физическое или, скажем, материальное процветание, а именно духовное.

– Какое уж там здоровье, – грустно усмехнулся Костя. – Особенно в наше время.

– Да, на вас и впрямь за последние годы свалилось слишком много испытаний, но кое-что осталось, – заверил его Алексей Владимирович, добавив: – И это кое-что все равно до сих пор изрядно превышает аналогичные качества жителей любой другой страны. А уж потенциально вы и вовсе на необозримой высоте.

– Впереди планеты всей, – недоверчиво буркнул Костя.

Слова были лестными, и в них очень хотелось верить, но в то же время они никак не укладывались в то, что происходило сейчас на бескрайних просторах его родины.

– Действительно впереди, – словно не замечая иронии в голосе собеседника, серьезно и даже как-то уважительно подтвердил Алексей Владимирович. – Что же касается испытаний, то вы, наверное, помните, что кому многое дано, с того много и спросится. Кажется, так утверждается в Библии? К тому же это вовсе не говорит о том, что вы эдакие умнички, а все остальные просто дурачки. Отнюдь нет. Просто вы много работали именно в этом направлении, вот другие и подотстали. И еще одно. Есть так называемый закон энтропии.

– Это уже, по-моему, из области физики, а я в ней не силен, – смущенно сознался Костя. – Вроде бы там идет речь о равномерном распределении теплоты в отдельно изолированных системах, нет?

– Вы совершенно правильно изложили его суть, – ободряюще кивнул его собеседник. – Добавлю лишь то, что закон этот применяется не только к теплоте и не только в физике. Увы, а может быть, наоборот, к счастью, но он прямо влияет и на развитие человеческого общества. Когда одно из деревьев в саду идет в бурный рост, начиная затенять более низкие саженцы, заботливый садовник его аккуратно подстригает. Конечно, дереву от этого больно и плохо, зато саду хорошо. Так и у нас.

– И каким же образом происходит торможение?

– Да их сколько угодно. Например, можно ввести чуждую религию, которая как никакая другая станет тормозить развитие творческих сил. Не помогло? Тогда вражеское нашествие. Ну неужели вы думаете, что хан Батый развернул своих коней назад, когда перед ним были открыты все страны Запада, включая практически не защищенную Италию, действительно по тем причинам, которые изложены в ваших учебниках и энциклопедиях? Да нет же.

– Это и впрямь загадка, – согласился Константин.

– А если принять во внимание эту гипотезу, то загадка легко разрешается. Все эти страны были беспомощны, и в первую очередь не в военном, а в духовном смысле, так что вторгаться туда не имело смысла. Кстати, аналогичных примеров можно привести сколько угодно и в другие времена. Вы ведь учитель истории. Неужели ни разу не задумывались, почему большинство завоевателей стремилось именно на Русь? А ведь у нее и богатства было не больше прочих, и война с нею из-за бескрайних просторов создавала достаточно серьезные специфические неудобства. Тем не менее чуть ли не все захватчики вопили «дранг нах остен» и лезли и лезли.

– А природные ресурсы? – возразил Костя.

– О них в те времена никто не ведал, включая даже самые элементарные – железо и уголь. Да и Сибирь с Уралом в состав Руси вошли не так уж давно – всего лет пятьсот назад.

– Получается, что все беды с Россией дело рук космического разума, – лукаво осведомился Костя? – А Батый, Гитлер и прочие лишь его орудия?..

– Глупости какие, – усмехнулся Алексей Владимирович. – Вы, очевидно, меня не поняли. Это как раз действовал закон энтропии, требующий поставить на колени богатую духом нацию, чтобы не спешила задумываться о чем-то большом, чистом и светлом. Пусть борется за то, чтобы просто выжить.

– Слушайте, судя по вашим обширным познаниям, может и впрямь создаться впечатление, что передо мной представитель... гм-гм... – Ошарашенный всем услышанным Орешкин несколько натужно засмеялся. – Если бы вы еще и выглядели иначе, я бы мог и впрямь подумать, что...

– А что мешает? – лукаво улыбнулся Алексей Владимирович. – Или вам непременно нужны маленькие и уродливые зеленые человечки?

– Ну-у это тоже перебор, – возразил Костя. – А вот облик какого-нибудь сурового старика-волхва вроде тех, которых рисуют в книжках, вам был бы куда уместнее.

Сосед по купе внимательно посмотрел на Орешкина и, слегка помедлив, вновь коснулся его руки.

Константин вздрогнул и невольно потянулся свободной рукой к глазам, чтобы протереть их.

Протер, но не помогло.

Этого не могло быть, однако было – перед ним, каким-то загадочным образом перевоплотившись, причем мгновенно, сидел именно волхв.

Выглядел он словно по заказу, то есть именно так, как в книжках.

Роскошная седая борода ползла у него по груди, постепенно истончаясь и заканчиваясь аж где-то ниже живота. Седые и длинные – до самых плеч – волосы охватывала широкая налобная повязка.

Одежда тоже соответствовала. Белая рубашка, нарядно расшитая на вороте и плечах, спускалась чуть ли не до щиколоток. Ниже виднелись добротные лапти желтого лыка. В правой руке старик держал увесистый посох с резной рукоятью.

Костя попробовал поморгать, но бесполезно – волхв никуда не исчез.

Орешкин повнимательнее взгляделся в причудливый орнамент вышивки. Вполне отчетливый узор из стеблей, листьев и каких-то геометрических фигурок, похожих на крохотных забавных человечков, и ни одна деталь перед глазами, как это обычно бывает во сне, не расплывалась.

То же самое и на повязке.

Старик сурово хмурил седые кустистые брови и неодобрительно взирал на Костю.

Орешкин икнул, и видение сразу пропало, а на месте волхва вновь оказался Алексей Владимирович, который с легкой иронией поинтересовался:

– Такой собеседник больше подходит?

– А-а... – растерянно протянул Костя.

– Да успокойтесь вы, – усмехнулся загадочный сосед по купе. – Всего-навсего наведенная иллюзия, а в просторечии морок. Между прочим, я целиком почерпнул его из вашей головы. Можно, конечно, и дальше продолжать оставаться таким же, но требует много энергии – я ж не Вольф Мессинг. Просто имеются некоторые способности, которыми я предпочитаю не пользоваться. Разве что иногда, когда хочется... позабавиться...

Объяснение звучало вполне логично.

Благодаря ему Константин довольно-таки быстро пришел в себя, хотя при этом – ох и чудно устроен человек – несколько расстроился.

Уж очень буднично – никакой тебе мистики, никаких божественных посланцев и дьявольских наваждений, а ведь даже любого циника и прожженного скептика порою тянет соприкоснуться с чудом.

Хоть краешком, самую малость, одним глазком...

Орешкин разочарованно крикнул. Алексей Владимирович внимательно посмотрел на своего собеседника, но обошелся без комментариев, вернувшись к прежней теме:

– Так вот, представьте, что, чувствуя за собой некоторую вину, космический разум решил предложить решить эту очень серьезную проблему представителю Земли.

– Погодите-погодите, – нахмурился Орешкин. – Я что-то не пойму. Какую проблему?

– Успешное противодействие наблюдателю, представляющему активное Зло, или Хаос – тут уж как вам самим угодно. Идеальным выглядело бы его уничтожение, но это из разряда мечтаний. Заодно разум посмотрел бы и тщательно проанализировал действия и поступки самого человека, чтобы понять, насколько потомок отличается от предков и в какую сторону – худшую или лучшую.

– А это зачем? – удивился Константин.

Двойственное чувство, что ничего не значащий теоретический разговор на самом деле не такой уж теоретический, по-прежнему не покидало его. Более того, после высказанных теорий, о которых он ранее и слыхом не слыхивал, но главное – появления перед ним волхва, оно укрепилось еще сильнее.

– Ну, скажем, исходя из его поведения космический разум мог бы принять окончательное решение, есть ли смысл помогать этой цивилизации, тем более вмешиваться в ее дела, пусть даже и с самыми благими намерениями.

– Но люди все разные, – пожал плечами Константин. – Всегда и во все времена были и злодеи, и святые. Как тут можно сравнивать?

– А если брать обычного человека? – возразил Алексей Владимирович. – Мало того, еще и поставить перед ним ряд совершенно типичных ситуаций.

– Значит, по-вашему, я обычный, – слегка возмутился Костя и, хмуро уставившись в окно, обиженно хмыкнул. – Третий сорт не брак.

– Ну зачем же так о себе, – пожурил его собеседник. – Вы-то как раз вариант весьма приличный, причем кое-что у вас даже несколько выше среднего. Например, у вас имеется очень много достоинств: доброта, ум, чувство прекрасного, гуманизм, любовь к родине, уважение к другим людям, широкий кругозор, неплохие знания... Дальше перечислять?

– Не стоит, – буркнул Костя. – Лучше скажите, чего у меня нет.

– Практически все хорошие качества, присущие человеку, у вас имеются, – уклончиво заверил его Алексей Владимирович. – Другое дело, что ряд из них развит несколько меньше, нежели другие. Что же касается морально-этических, то тут... покажет эксперимент. – И после паузы вновь предложил: – Так как, согласились бы на участие? Только попрошу не забывать условие: срок его не определен, но то, что он весьма длительный, однозначно. Возможно, на годы или даже десятилетия. Более того, неизвестно, вернетесь ли вы вообще.

– Погодите-погодите, – заволновался Орешкин. – Я что-то не пойму про невозвращение. Это как?

– А так, – пожал плечами его собеседник. – Есть вероятность погибнуть.

– Веселенькие дела, – покрутил головой Костя. – И правда, если б такое было на самом деле, то... Интересно, а до меня вы такое кому-нибудь предлагали? Ну-у как теоретический вариант.

– Честно говоря, – невесело усмехнулся Алексей Владимирович, – вы у меня последняя попытка.

– То есть как? – не понял Костя.

Его собеседник замялся, но пояснил:

– Устал. Не буду говорить, какой именно вы по счету, но что последний – точно. Уж очень жесткие условия я предлагаю. Во-первых, никакой оплаты, и более того, даже никакой компенсации возможных будущих потерь участника-добровольца.

– Не понял, – насторожился Костя.

– Очень просто. Предположим, что вы прожили там всю жизнь и возвращаетесь оттуда дряхлым стариком, одноногим и слепым. Так вот, никакой компенсации – ни материальной, ни духовной – за это ждать не следует.

– Даже в случае успеха?

Алексей Владимирович кивнул, продолжая неотрывно вглядываться в лицо своего собеседника.

– Брр, – передернул плечами потенциальный одноногий слепец.

– Как я заметил, вы тоже не жаждете окунуться в реку истории. Действительно, куда проще и безопаснее наблюдать за ее причудливым течением, за стремнинами, водопадами, водоворотами и омутами, сидя на безопасном берегу. Правда, берег этот через два-три десятилетия, как я уже сказал, может обвалиться без шансов на спасение, но когда это еще будет, верно?

Костя угрюмо молчал. А чего скрывать – и впрямь на берегу проще и безопаснее.

Можно было бы соврать. Даже мелькнула на миг мыслишка сказать, что, дескать, ничего подобного, вот я как раз готов хоть куда, даже если надо в Древний Египет или рабовладельческий Рим, но... не поворачивался язык.

Да и бесполезно, ибо он чувствовал, что Алексей Владимирович сразу его раскусит.

– А теперь ответьте, уважаемый Константин Николаевич, имеет ли смысл спасать цивилизацию, представители которой во главу угла ставят в первую очередь свое благополучие, не думая ни о всех остальных людях, ни даже о собственных потомках?

– У меня нет потомков, – смущенно проворчал Костя, но это прозвучало настолько наивно, что он почти сразу пожалел, что ляпнул такое, и, чтобы как-то выйти из щекотливого положения, переспросил: – Значит, больше вы спрашивать никого не станете?

– Есть смысл? – вопросом на вопрос ответил попутчик.

– Ну-у рано или поздно кто-то ведь согласился бы, – неуверенно протянул Орешкин.

– Нет, не буду, – твердо сказал Алексей Владимирович. – Выводы можно делать уже сейчас, так что...

И вновь за его словами ощущалось нечто куда более серьезное, чем простой отказ обычного человека заниматься бесполезным делом.

– Я еще не сказал нет, – напомнил Константин.

– Не сказали, – согласился Алексей Владимирович. – Но подразумевали именно отказ. Или не так? – Уголки его рта дрогнули в легком намеке на презрительную усмешку. – Что ж, если вам так угодно, то я могу спросить и впрямую. Так согласны или?..

И вновь Константина обожгла неприятная мысль, что шуточный тон собеседника лишь антураж, за которым кроется нечто...

Додумывать он поостерегся, ибо никогда не увлекался летающими тарелками и зелеными человечками, сидящими в них, тем более что Алексей Владимирович явно на них не походил.

Вот только то, что он увидел так явственно и четко, как-то не вписывалось ни в теорию, ни в практику, да и вообще никуда...

И исходя из этого отказ его попутчика продолжать свой «теоретический» опрос звучал несколько зловеще.

В конце-то концов, если не мы сами, то кто же нас будет выручать? Все правильно, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. К тому же было ясно сказано, что он – последний. Больше попыток-то не будет, а значит, и деваться некуда. Стало быть...

Костя набрал в грудь воздуха, но не успел выпалить коротенькое слово, как собеседник, пытливо вглядывающийся в его лицо, нехотя выдавил:

– Вообще-то интерес у меня пропал не до конца, так что можно попробовать спросить об этом еще кого-нибудь, и если вы... – Он не закончил, но смысл был ясен.

Константин с шумом выпустил воздух, ощущая колоссальное облегчение, а чуть погодя такой же огромный стыд. За свою трусость, боязнь и даже за это облегчение, испытанное секундой раньше.

Он даже отвернулся от Алексея Владимировича, стесняясь своей радости, и уставился в окно, грустно разглядывая неброский российский пейзаж, робкий, отнюдь не кричащий о себе во всеуслышание и тем не менее вызывающий в сердце тихое умиление.

Начинало светать, и тонкие березки застенчиво выглядывали из предрассветного тумана, робко выплывая навстречу стремительно движущемуся поезду, но тут же испуганно прячась обратно под белые кружева своей полупрозрачной накидки.

Однако успокоения душе он не принес, скорее напротив, сразу напомнив, что, согласно словам Алексея Владимировича, через два или три десятилетия ничего уже не будет – ни березок, ни окна, ни поезда, да и самой планеты тоже.

Вообще-то на своем веку Костя слышал массу завиральных теорий, включая предсказания Нострадамуса, прогноз майя и так далее, и лишь снисходительно посмеивался, но почему-то сказанному этим человеком он поверил безоговорочно.

Озлившись непонятно на что, но скорее всего на самого себя, он зачем-то принялся ожесточенно взбивать свою подушку.

Та в ответ на столь бурную заботу тут же выдавила из своего чрева парочку пожелтевших от времени куцых перьев. Еще одно попыталось прорваться напрямик сквозь ткань, но застряло на половине дороги.

Костя в сердцах выдернул это перо и, машинально теребя его в руках, глухо произнес:

– Не надо никого спрашивать... Если бы такое предложение сделали мне, то я бы... согласился.

И ему сразу стало как-то легко и покойно. Но главное, что теперь он мог спокойно смотреть в глаза Алексею Владимировичу, что он тут же и сделал, выжидающе уставившись на него.

Трудно сказать, чего именно ждал Костя, но, во всяком случае, не столь обыденной реакции.

– Утомил я вас, наверное, – весело улыбнулся его попутчик и равнодушно заметил, сворачивая тему: – Пора и спать ложиться, а то завтра не высплюсь – мне ведь выходить гораздо раньше, чем вам.

Лицо Кости от столь будничного завершения разговора разочарованно вытянулось, но делать нечего – спать так спать.

– К Ряжску подъехали, – вздохнул он, глядя в окно и доставая сигарету из пачки. – Вот тут я родился, тут... А, ну да, я уже вам рассказывал. – И направился в тамбур, продолжая злиться на себя.

И впрямь возмнил черт знает что, а потом еще и возмущается: «Где интересное, увлекательное продолжение?!»

А чего иного ожидать-то? Ежу понятно, что все закончится именно так, как закончилось – поговорили, обсудили и... отбой.

Уже зайдя в тамбур, Константин успел удивиться, откуда тут взялось столько табачного дыма. Однако через секунду он понял свою ошибку: дым был чересчур белым для сигаретного и слишком вязким для, собственно, самого дыма.

Больше всего он напоминал туман – густой и прохладный, ласково обвивший ноги и целеустремленно стремящийся вверх, чтобы победно сжать в своих могучих объятиях все тело.

В инстинктивной попытке вырваться Орешкин ценой невероятных усилий сумел сделать шаг назад, в сторону спасительной двери, но какой-то особо нахальный, жирновато-мас-

лянистый клок тумана обволок лицо, плотно, не хуже чем пластиковый пакет, перекрыв дыхание, и Константин потерял сознание.

Глава 3

С сознанием честно выполненного долга

Что касается непосредственных плодов и популярности, то в этом отношении мудрость далеко уступает красноречию.

Фрэнсис Бэкон

Лежа на мягких шкурах, Константин некоторое время еще негодовал на себя за то, что мог забыть о таком, но затем перешел к более конструктивным размышлениям.

Итак, наиболее правдоподобно звучало как раз самое невероятное. Получалось, что теоретический вопрос о согласии повлек за собой самые что ни на есть практические последствия.

Теперь осталось понять, как себя вести и где этот представитель Зла, которому надо оказать противодействие?

Вообще-то сосед по купе намекал, что в идеале самым великолепным вариантом было бы уничтожение этого наблюдателя, который, будучи чем-то вроде представителя Хаоса, являлся скорее не наблюдателем, а вредителем. Дескать, тогда окажется ненужным и их вмешательство в земные дела.

Однако тут перед новоявленным князем был темный лес. И вообще, вначале надо хотя бы увидеть это существо, разобраться в его природе, посмотреть, как именно он норовит напасть, а уж потом оказывать это самое противодействие.

«Ладно, будем решать дела по мере их поступления, так что пока остановимся на собственном примерном поведении и проявлении всех лучших человеческих качеств в целом», – решил Орешкин.

Тогда получалось, что завтра ему предстоит приложить все усилия, чтобы уговорить князя и его братьев поехать на дружескую встречу с князем Глебом для урегулирования всех споров.

К тому же не исключено, что кто-то очень важный и нужный, именно из-за того, что в подлинной истории она не состоялась, погиб.

Вот только кто?

Костя начал было припоминать все, что ему было известно конкретно по истории Рязанского княжества, но быстро зашел в тупик.

Что Карамзин, что Соловьев писали о Рязани крайне мало, занимаясь в основном описанием великокняжеских разборок, когда того или иного правителя изгоняли из Киева, или Владимира, или Новгорода, ставили другого, потом его в свою очередь смещали третьи, и так до бесконечности.

Впрочем, что-то вертелось у него в голове, причем сам он очень хорошо сознавал, что это настолько серьезно и важно, что просто необходимо вспомнить. Однако никакие отчаянные усилия положительного результата не приносили.

Как на грех, он не знал и еще одного немаловажного обстоятельства – в каком году он находится, ну хотя бы примерно.

Спрашивать об этом напрямую, так, чего доброго, решат, что совсем допился или вообще поехала крыша, а идти окольными путями ему пока не удавалось.

Точнее, он ими и шел, начиная с сегодняшнего пира, но безуспешно, во всяком случае, пока.

Приблизительное представление у него, разумеется, составилось, но уж очень широкое.

С одной стороны, учитывая, что сам Костя в данный момент приехал в гости к своим родичам, проживающим в Переяславле Рязанском, а князь Глеб правит в Рязани, получалось, что она может быть только Старой Рязанью, той самой, которую сожгли во время Батыева нашествия, да так и не восстановили.

Следовательно, дело происходит до татарского ига, то есть верхняя планка не выше декабря тысяча двести тридцать седьмого года.

С другой стороны, княжество вроде уже обособилось, стало самостоятельным, следовательно, нижняя планка зависла где-то на рубеже одиннадцатого и двенадцатого веков.

Итак, получался диапазон на век с четвертью. Остальное же...

Тут оставалось только гадать.

Впрочем, после некоторого раздумья приемлемый вариант нашелся. Надо, сидя за столом, просто выбрать удобный случай и раскритиковать владими́ро-суздальских князей. Пусть хозяева, поддержав тему, помянут имя сидящего ныне на престоле северных соседей Рязани, и тогда все сразу станет ясно.

Придя к этому выводу, он, успокоившись, уснул, лелея тайную надежду, что проснется на своей полке в купе под шумный стук колес или очнется, стоя в заплеванном грязном тамбуре, а происходящее сейчас с ним окажется только сном.

Пробуждение его было не из самых приятных. Целых пять минут он ошалело таращился на своего стремennого Епифана, который, учитывая походно-полевые условия, очевидно, исполнял заодно и должность княжеского постельничего, так сказать, по совместительству.

Потом наконец до него дошло, что вчерашнее путешествие по средневековому Рязанскому княжеству далеко не закончилось, и он принялся совершать утреннее омовение.

Поливал ему на руки Епифан, а он, склонившись над тазиком, умывался.

Поначалу Костя хотел напомнить своему стремennому, что хорошо бы еще раздобыть и мыла, но потом понял, что если о нем здесь и знали, то только теоретически, иначе князю подали бы его без лишнего напоминания.

О зубной пасте и вовсе нечего было думать. Не говоря уже о заморских марках, он бы с огромным удовольствием ухватился за тюбик какой-нибудь «Апельсиновой» и даже, на худой конец, не побрезговал бы зубным порошком, но...

Тут новоявленный князь пришел к выводу, что придется на какое-то время позабыть о такой элементарной вещи, как личная гигиена, повздыхал и успокоился, тем более что не успел он даже одеться, как прибежал неугомонный Онуфрий.

Нетерпеливо цыкнув на бедного Епифана, после чего стремennой почти тут же исчез, подобно джинну из лампы Аладдина, боярин в очередной раз приступил к изложению диспозиции, пересказывая в третий раз одну и ту же инструкцию о том, как Косте надлежит себя вести, а главное, не забывать слово Глебово.

Это уже было нечто новенькое, и он насторожился, но Онуфрий интересующую Костю тему затронул лишь вскользь и вновь переключился на нотацию, как лучше уговорить всех князей съехаться на летнюю встречу.

Костя послушно кивал, настраивался, заодно подыскал собственные аргументы и, придя к выводу, что сумеет добиться требуемого, вышел на трапезу в хорошем расположении духа.

Князей оказалось необычайно много, причем двоих Игоревичей – еще одного Глеба и Романа – уговаривать прибыть на эту встречу вообще не пришлось. Они сами горели желанием высказать Константину, как родному брату рязанского князя Глеба, все, что у них накопилось, причем попытались приступить к этому делу прямо сейчас, начав приставать к нему с различными упреками по поводу самовольного – «не по отчине и дедине» – захвата главного княжеского стола в Рязани и всяческого утеснения «молодших братьев своих».

Основной клан в лице Ингваря, Олега и Юрия преимущественно помалкивал, но было заметно, что мысленно они тоже поддерживают своих родичей в этих нападках.

Но если самый старший из Игоревичей князь Ингварь при этом поглядывал на Орешкина испытующе, мол, как ты, парень, сможешь выкрутиться, а Юрий даже чуточку сочувственно, то Олег смотрел на Константина с откровенной насмешкой – давай-давай, отвечай за все настряпанное.

Костя сразу же подумал: «Хорошо, что в теле князя находится житель двадцатого века». Пожалуй, прежний, так сказать, законный его обладатель не вытерпел бы и пяти минут таких эмоциональных речей. А уж после соответствующего ответа или, того хуже, небольшого рукоприкладства дальнейший разговор явно перетек бы совсем не в дипломатическое русло.

Сам же он по натуре был человеком терпеливым, вдобавок привык у себя на уроках неоднократно рассказывать одно и то же. У Кости ведь одних шестых классов аж четыре штуки, значит, каждую тему приходится излагать соответствующее количество раз.

Поэтому в ответ на все эти пылкие вопли он лишь скромно, но настойчиво повторял, что всем свойственно ошибаться и главное тут – вовремя исправиться.

Под конец он даже отважился привести в пример аналогичные съезды всех русских князей. Мол, коли уж всем Рюриковичам, невзирая на отдаленное родство, удавалось мирно разрешить все спорные вопросы, то им, сидящим тут за столом и являющимся куда более близкими родичами, сам бог велел собраться, чтобы урядить все мирно.

Но тут Ингварь перешел к вопросам. Дескать, не идет ли речь о дальнейших утеснениях, не думает ли князь Глеб поделиться не по праву им захваченным и не мыслит ли о совместном походе на непокорные племена мордвы?

Понятия не имея ни об одной из интересующих Ингваря тем, Костя принялся вилять из стороны в сторону, ибо ничего конкретного он, по своему незнанию, сказать просто не смог.

Правда, когда Костя заикнулся о беспокойных временах, князья переглянулись и Олег насмешливо поинтересовался:

– Али половцы зашевелились, брате, что вы с Глебом о согласии вспомнили? Так ведь у тебя в женках сестрица Данилы Кобяковича. Неужто степняки про оное родство забыли?

Хорошо, что хоть тут память его не подвела, и Орешкину удалось кое-что припомнить, благо что имен половецких ханов в его голове имелось немного, всего пяток, и как раз Кобяк, равно как и его сын Данила входили в их число.

Теперь получалось, что можно еще более существенно сузить временные рамки, подняв нижнюю планку лет эдак на сто, и быть уверенным, что он находится в конце двенадцатого – начале тринадцатого века.

Очень хорошо. Значит, можно рискнуть, и он, сделав многозначительное лицо, а также понизив голос чуть ли не до шепота, изрек:

– Да что там половцы, когда иной враг уже мечи точит, на Русь гляючи, а он куда страшнее будет, – и принялся рассказывать о монголах.

Князья недоверчиво переглянулись.

– Откуда у тебя, брате, вести такие? – осторожно осведомился Ингварь.

Костя поначалу замялся, но потом нашелся с ответом:

– Купец один, из далеких стран приехавши на торг, сказывал. Да и не он один, – добавил он после небольшой паузы, чтобы сообщение прозвучало весомее.

– Купец солжет – недорого возьмет. Известно, дело торговое, – махнул рукой Олег.

– Один – да, может и солгать, а вот все – это навряд ли, – возразил Костя.

Мысль о скором нашествии татар возникла у него еще вчера, но тогда было не до нее, зато сейчас она пришлась как нельзя кстати.

– А ты, брате, ничего не путаешь? – Это уже подал голос Ингварь.

– Если бы, – вздохнул Костя и начал излагать подробности о татарском войске.

Особо пришлось остановиться на железной дисциплине, царящей среди монгольских воинов. Больше всего князей удивило его сообщение о том, как за одного бежавшего с поля боя подвергается смертной казни весь десяток, за драпающий десяток – вся сотня и так далее.

– Хорошо бы и у нас такое ввести, – задумчиво произнес Олег, и его красивое лицо неприятно исказилось.

– Что ты, брат. Грех-то какой, христианскую душу губить. Над ней единый господь бог властен, – укоризненно заметил Юрий и поинтересовался: – А что у них за вера?

– Язычники они и во Христа не веруют, – кратко ответил Костя и тут же, пока они не остыли от его рассказа, уснащенного красноречивыми подробностями, осведомился: – Так что, братья, дадим этим степным волкам себя поодиночке перерезать или дружно все вместе на смертный бой выйдем?

Ингварь внимательно оглядел всех и отчеканил:

– Передай Глебу, что все приедем. Коль и впрямь такая беда на Русь идет, негоже старые обиды на сердце держать.

– А сдюжим ли мы, хоть даже и вместе? – робко заметил Юрий, на что Костя авторитетно заявил:

– А кто сказал, что мы одни в той битве будем? Пошлем гонцов в Чернигов, в Муром, в Киев, к князю Владимирскому, – и вопросительно уставился на сидящих.

Первым откликнулся хозяин застолья.

– Это верно, – согласился Ингварь. – Тут нам без помощи Константиновой не обойтись.

Так-так. Судя по упоминанию о его тезке из Владимиро-Суздальского княжества⁶, который и правил всего три года, получалось, что Костя и в самом деле почти не ошибся с татарами.

Совсем замечательно.

Нет, что касается самих татар – это плохо, а вот что можно более-менее определиться с годами...

Опять же ему удалось добиться основного – согласия всех присутствующих на пиру князей на большой сбор.

На радостях Костя даже не стал отнекиваться от участия в завтрашней охоте, которую Ингварь как гостеприимный хозяин предложил всем присутствующим.

Едва же Орешкин вернулся в свою комнату, где ему предстояло переодеться к вечернему застолью, как прибежал Епифан с каким-то парнем, который, как выяснилось, был гонцом от Гремислава.

Оказывается, ту молодую ведьму, которую князь приказал словить – когда он такую ахинею приказывал, Костя, хоть убей, не помнил, – его верные слуги поймали еще вчор и теперь везут сюда.

Теперь на все княжья воля – то ли сразу учинить над ней расправу, то ли князь перед этим захочет поглядеть на младую бесовку, которая успела приложить его по голове увесистым поленом.

Пришлось сказать, чтобы после пира ее привели для допроса, поскольку без княжеского суда казнить человека, пусть даже и ведьму, негоже, а заодно и поинтересоваться у Епифана некоторыми деталями своей, судя по полученному удару, не совсем удачной охоты на ведьму.

При этом Орешкин периодически со страдальческим видом тряс головой, которая, дескать, до сих пор болит, поскольку она чертовка так по ней съездила, что он даже

⁶ Константин Всеволодович (1186–1218) – старший сын Всеволода III Большое Гнездо. Был Владимиро-Суздальским великим князем в 1216–1218 гг.

частично потерял память – такой отмазкой для объяснения загадочной забывчивости было просто грех не воспользоваться.

Стременной, приняв все за чистую монету и сочувственно поохав над княжьей бедой, охотно рассказал, как было дело.

Оказывается, они потому и не двинулись по Оке санным путем, что князь попутно решил позабавиться с красивой чертовкой, которая, как Константину донес слуга Гремислав за три дня до выезда к Ингварю, жила на полпути из Ожска в Переяславль Рязанский, где-то в Синем бору.

Подъехал княжий поезд к избушке, где она жила, после полудня.

Князь, едва глянув на нее, решил даром времени не терять и заняться любовными утехами вплотную. С этой целью все посторонние из избы вышли, и Константин остался с ведьмачкой наедине.

Вначале в хате стоял несусветный грохот, спустя минуту шумы стихли, и княжеской свите оставалось терпеливо ожидать, когда князь-батюшка вволю насладится девкой.

Лишь по прошествии пары часов они обеспокоились и по настоянию Онуфрия Епифан осторожно заглянул внутрь.

Картина была удручающая. Князь лежал с разбитой головой в углу, а ведьмачка уткнулась через потайной лаз.

Очнувшись и будучи вне себя от ярости, Константин лично возглавил погоню, оказавшуюся безрезультатной. Уже в сумерках стало ясно, что ловить бесовку смысла нет. Однако князь не уgomонился и оставил того же Гремислава с двумя крепкими холопами в лесу, приказав без ведьмачки на глаза ему не попадаться. Сам же налился, как обычно, и заночевал в избушке.

Ну а теперь, слава богу, змеиное отродье попало и ждет праведного княжьего суда.

В завершение своего рассказа Епифашка выразил удивление, чем она прельстила Константина и уж не бесовский ли это приворот, поскольку у нее ни кожи ни рожи, ну просто глянуть не на что. Куда как лучше бабы в селищах под Ожском, наливные, как яблочко, и ядреные, как репа.

Исходя из этого Костя тут же сделал вывод, что в последние пару дней его стремной стал слишком бойким на язык, коли набрался наглости критиковать княжеский вкус. Пришлось на него слегка цыкнуть, после чего он обиженно замолк.

Орешкин же пришел к глубокомысленному заключению, что при теперешних условиях излишняя демократизация, пожалуй, вредна для простого народа, который тут же может запросто сесть тебе на шею.

Поймав себя на мысли, что рассуждает сейчас как допотопный средневековый феодал, он иронично хмыкнул в бороду.

Узрев, что господин улыбается, Епифашка тоже заухмылялся, демонстрируя крупные желтые зубы.

В таком веселом настрое Костя и пошел пить медовуху.

На сей раз он особо не блистал своими талантами тамады, а в основном вел умные застольные беседы, стараясь в первую очередь вовлекать в них Ингваря, а также Юрия и Олега.

Роман с Глебом и без того смотрели на него влюбленными глазами, так что он решил на них не распыхляться.

Единственное, что слегка подпортило его веселье, так это услышанные краем уха обрывки рассказов неугомонного Онуфрия о том, какой князь Константин замечательный охотник, как лихо заваливает медведя, как метко пускает стрелу в белку и как бесстрашен в очном поединке с матерым вепрем.

Причем к концу застолья клыки у заваленного лично князем секача длиной были не меньше полутора метров. Больше они не выросли лишь потому, что руки у боярина оказались не шибко длинными.

По той же причине не увеличивалась морда у медведя-шатуна, который, по рассказам Онуфрия, сам величиной был чуть ли не со слона.

– У нас таких страшных зверей в лесах не водится, – мягко, но с большой долей иронии заметил Ингварь. – Но думается, что завтрашняя охота тебе, брат, должна понравиться.

Костя нашел в себе силы лишь скорбно улынуться в ответ: мол, чего уж там, конечно, понравится, даже несмотря на то, что медведей величиной со слона у вас не водится.

«А уж запомнится обязательно, тем более учитывая, что она у меня будет первой в жизни», – добавил он мысленно.

Зашла речь и о ведьме.

Как он понял, Гремислав не больно-то скрывал свой улов и о его добыче знали уже все князья.

На взгляд Кости, никто из них не был по характеру кровожадным, а Юрий, как наиболее набожный, даже заметил, что коли на этой девице имеется крест, то, стало быть, душа у нее христианская.

Никто не спорит, кару она заслужила, но жизни лишать человека, по его мнению, не следует. По крайней мере, стоит обождать до тех пор, пока окончательно не выяснится, что она продала душу нечистому.

– К тому ж Синий бор лежит ближе к Переяславлю, нежели к Ожску, – добавил князь Олег. – Мыслю я, что справедливее было бы отдать ее на суд брату нашему Ингварю.

Константин сразу не нашелся, что сказать, и лишь оторопело воззрился на хозяина города.

Отдавать на суд Ингварю свою пленницу Косте вовсе не хотелось. Он-то знал, что как-нибудь изловчится и отпустит ее – ведь девчонка ни в чем не виновата, а что решит его новоявленный братан, сказать трудно.

Но Ингварь сам пришел Косте на выручку, скрадывая дерзость и непримиримость Олега:

– Коль она дорогому гостю и брату обиду причинила, то я ему и отдаю ее головою.

Выходило, что вроде как он соглашался с Олегом и в то же время не лишал Константина права суда над пленницей.

– А может, сюда ее? – высказал предложение Роман, и глаза у него похотливо заблестели.

– Тут ей и суд, и приговор будет, – поддержал его Глеб.

– Поздно уже, – нахмурился Ингварь. – Пускай князь Константин завтра опосля охоты со свежей головой свой правый суд свершит. – При этом он многозначительно посмотрел на Олега и Юрия.

На том они и разошлись.

А в светелке, когда Костя зашел в нее, его уже нетерпеливо ждали Гремислав и Епифан, бдительно следящие за связанной по рукам и ногам худенькой девчушкой лет пятнадцати, беспомощно лежащей на лавке.

* * *

И бысть сей князь Константин сызмальства беспутен, ко хмельным медам привержен и блудлив без меры. И не ведал он ни страха божьего, ни совести христианской. И сколь чад при дворе его малом в Ожске ликом на

князя сего походиша, счести невмочь. Умом великим не блисташа, во всех делах слушался воли брата своего набольшего Глеба.

И поиде он зимой, в месяц студенец, в лето 6724-е от Сотворения мира ко князю Ингварю Игоревичу, кой сидеша в Переяславле Резанском, для улещения оного князя, дабы в ловы бесовски заманити, да на пути санном попадаша в дебрь лесную, именуемую Синим бором, в коем издавна бысть селище ведьм, душу диаволу продавших. И искуситель Исуса⁷ Христа тамо овладеша душой княжьей, одариша за то Константина умением речи вести знатно да льстиво.

Оными речами князей Ингваря, да Юрия, да Олега, да Глеба, да Романа, сыновцев Игоревых, да еще Святослава с Ростиславом, сыновцев Святославовых, князь Константин в сумнение и вовлекоша...

Из Суздальско-Филаретовской летописи 1236 г.

Издание Российской академии наук, Рязань, 1817 г.

* * *

Поначалу Константин ничем не выделялся даже из плеяды своих многочисленных рязанских родичей, а к его особым дарованиям можно было отнести разве что умение поглощать, не пьянея при этом, хмельные меды в очень больших количествах, а также его пристрастие к женскому полу.

Впервые его дипломатическое дарование проявило себя в 1216 году, во время важных переговоров с Ингварем Игоревичем, княжившим в Переяславле Рязанском, и его братьями. Речь шла об организации встречи на нейтральной земле и полюбовном обсуждении на ней большого количества спорных вопросов, главным образом земельного характера, успевших скопиться к тому времени.

Константин блестяще провел эти переговоры, сумев уговорить дать согласие на нее не только тех, кто не особо противился оной встрече изначально. Его заслуга в том, что он сумел убедить в том же остальных Игоревичей: недоверчивого и подозрительного по своей сути Олега, боголюбивого Юрия, а также старшего из них и самого осторожного – Ингваря.

В некоторых летописях утверждается, что беспутный князь Константин, следуя в Переяславль Рязанский, по пути заехал в избушку, где обосновались дьяволопоклонники, и там окончательно продал душу их покровителю, за что сатана одарил его даром убеждать и сладко говорить.

Однако пристрастность авторов не вызывает сомнений, судя по местонахождению монастырей в различных русских княжествах, далеко не всегда лояльно или хотя бы объективно относившихся к рязанским князьям.

К тому же в наш просвещенный век верить в подобные суеверия попросту нелепо. По всей видимости, это были просто собственные домыслы монаха, который в своих беспочвенных фантазиях додумался лишь до такого убогого сюжета.

⁷ До реформ патриарха Никона это имя писалось с одной буквой «и», то есть именно так, как и звучало.

Хотя не вызывает сомнений другое обстоятельство, которому действительно трудно найти объяснение: в Переяславль Рязанский Константин Владимирович прибыл и впрямь совершенно другим человеком.

Замечу, что уже самые первые впечатления от этого другого человека у нас складываются самые благоприятные: малопьющий, рассудительный, умеющий красно говорить и неплохо знающий не только библейские тексты, но и ряд светских документов, в частности историю других стран.

Кстати, именно тогда впервые прозвучало слово «татары», хотя их предводитель Чингисхан, как известно, к тому времени едва-едва объединил все кочевые племена в своей власти и еще не до конца покорил империю Цзинь – Северный Китай.

Впрочем, это говорит лишь о том, что русская внешняя разведка находилась на весьма высоком уровне, включая беседы и детальные, подробные расспросы проезжающих через Рязань купцов, особенно восточных. Вся эту работу разведки, несомненно, следует отнести к заслугам прежде всего не самого Константина, а его старшего брата Глеба.

Албул О. А. Наиболее полная история российской государственности, т. 2, стр. 60–61. Рязань, 1830 г.

Глава 4

Внучка ведьмы

*Прочь удались, здесь буря разразится,
В прах обратит тебя мое дыханье,
И в гневе я безумье превзойду...*

Натаниэль Ли

Надо сказать, что метраж светелки, которую отвели под временное проживание гостя братаны-князя, был небольшим, где-то четыре на четыре.

Что касается мебели, то с ней было скудно. Во-первых, там находилась сама ложница, которую с большой натугой изображала широкая лавка, стоящая у глухой стены. Плюс к ней имелся еще деревянный стол, расположенный напротив входной двери у стены с небольшим оконцем, да две лавки. Одна возле стола, а вторая напротив, близ двери.

То есть обстановка предоставляла минимум уюта и позволяла на деле пожить в самых скромных, спартанских условиях.

Девицу расторопный Елифан по повелению князя тут же приподнял и усадил на лавку, которая стояла поближе к кровати, очевидно предположив, что так князю надо будет приложить минимум усилий, дабы переместить проказницу напрямик в постель.

Видок у нее был и вправду самый что ни на есть ведьмовской, особенно взлохмаченные донельзя черные волосы и глазищи.

Тонкую девчоночью фигурку ни в коей мере не могла укрыть пара жалких тряпок, да и то основательно разодранных, хотя если внимательно взглядеться, то сразу становилось ясно, что и скрывать-то было нечего. Тело ее еще как следует не сформировалось, и вся прелесть дикарки состояла лишь в опущенных огромными ресницами больших зеленых глазах, с ненавистью глядящих на князя и его слуг.

Поначалу Костя выгнал и Гремислава, и Елифана, причем первый замешкался на пороге и переминался до тех пор, пока князь не поинтересовался, почему он еще тут, а не там.

Но даже и тогда Гремислав еще не отважился на свой кощунственный вопрос, а, обратившись наконец, почему-то повел речь в третьем лице:

– Князь приказал изловить, Гремислав поймал. Князь слово дал, что наградит за лов.

Костя поначалу хотел просто выгнать наглеца, но потом решил, что слово нарушать нельзя, хоть и давал его не совсем он, точнее, он, но не сегодняшней, а позавчерашней, и распорядился:

– Иди к боярину Онуфрию и скажи, что князь повелел тебя гривной наградить, – потом почесал в затылке, припоминая местную монетную систему, и добавил на всякий случай: – Серебром.

Через миг Гремислава как ветром сдуло, хотя Костя, честно говоря, не заметил, чтобы на лице слуги, которому позавидовал бы любой киллер двадцатого века, настолько оно было суровым, промелькнула хотя бы тень радости.

Спустя минуту после его исчезновения – Костя даже не услышал, как тот спускался по лестнице – в светлицу заглянул Епифашка и сказал как о само собой разумеющемся:

– Я, княже, пожалуй, у дверей заночую, а то мало ли.

Если бы не его всерьез озабоченная рожа, Костя решил бы, что он его слегка подкалывает. Мол, один раз поленом огрела, а во второй раз, ежели он не заступится, стулом запросто навернет.

Но, уже зная к этому времени, что его стремной и юмор, тем паче ирония, несовместимы, Костя лишь утвердительно кивнул и повернулся к пленнице.

Девчонку бил самый настоящий озноб, а неестественно раскрасневшееся личико говорило о возможном повышении температуры.

Константин протянул руку, чтобы пощупать лоб, и... еле успел отдернуть ее от лязгнувших вхолостую зубов.

– Не трогай меня, княже, – предупредила она. – Лучше отпусти подобру-поздорову. А не то я на тебя такую лихоманку напущу – ни одна бабка не отшепчет. Я могу.

От такой нахальной самоуверенности, смешанной с отчаянием, Костя невольно заулыбался.

Девчонка опешила и замолчала, продолжая настороженно ждать его дальнейших действий.

– Ты есть хочешь? – неожиданно даже для самого себя спросил он.

Деваха пяток секунд оторопело хлопала своими глазищами и наконец нехотя выдавила:

– Может, и хочу.

– Епифан, – громко позвал он и, как только тот просунул голову в приоткрытую дверь, сделал небольшой продуктовый заказ.

Время было позднее, но скромную княжью заявку стремной тем не менее удовлетворил прямо-таки с молниеносной скоростью.

Уже через минуту на столе лежала коврига хлеба, хороший кус мяса, штуки три луковицы, к которым прилагалась крупная сероватая соль, и несколько соленых огурцов.

Заметив сожалеющий взгляд Епифана, Костя понял, что все это тот приготовил для себя, дабы слегка скрасить томительное ожидание за дверью, и снисходительно спросил:

– Твое?

Епифан скромно пожал богатырскими плечами и скорчил такую, по его мнению, скромную и деликатную рожу, что Костя заулыбался и, подмигнув, отправил его за новой порцией, наказав, чтоб тот не спешил возвращаться.

Однако его нормальное желание просто поговорить с девчонкой без лишних свидетелей и хотя бы немного искупить вину своего предшественника каждый из присутствующих воспринял в меру своей испорченности.

Епифан понимающе кивнул, вновь оскалив крепкие желтые зубы, а девица, едва Костя накинул на дверь засов и двинулся к ее лавке, вжалась всем телом в угол и умоляюще прошептала:

– Не подходи, княже. Хуже будет. Порчу напущу.

– Я же всего-навсего покормить тебя хотел, – пояснил он и добавил: – А Епифана поесть отправил. Мужик-то из-за тебя голодным остался. Дверь же закрыл, чтоб ты не убежала раньше времени. Я ведь и так тебя отпущу, только не сегодня, а завтра.

– А плата какая за свободу будет? – подозрительно прищурилась она.

– Да никакой, – пожал плечами Костя. – Мне от тебя и впрямь ничего не надо. А потом у тебя и нет ничего.

– Ну кой-что имеется... – протянула она, но Костя только насмешливо хмыкнул, в результате чего рейтинг ее доверия к нему, как это ни парадоксально, сразу поднялся на пару пунктов.

– А теперь дай слово, что до завтрашнего утра не убежишь, и я тебя развяжу, – пообещал он ей, доставая из ножен кинжал.

– Это коли ты лапять меня не полезешь, – уточнила она, продолжая глядеть на него с недоверием, но уже без прежней лютой ненависти.

– Заметано, – кивнул он, но, видя, как она недоуменно посмотрела, поправился: – Согласен, говорю.

– Тогда даю слово.

– А клятву?.. – осведомился он и, видя удивление девчонки, спохватившись, уточнил: – Роту дашь? Только чтоб самым дорогим для тебя. Ну, скажем, здоровьем твоей бабули.

– Даю, – охотно согласилась она.

Настолько охотно, что Костя сразу почувствовал какой-то подвох, но, поколебавшись, все-таки разрезал ремни, туго стягивавшие ее руки и ноги, и отошел к двери.

– Опаску имеешь, – усмехнулась она и, надув губы, обиженно добавила: – Неужто боишься, что я роты не сдержу? Так ведь у меня, кроме бабки Марфуши, вовсе никого на свете нету.

– Осторожничай, – поправил Костя и добавил: – Да и тебе спокойнее будет, когда я здесь, от тебя подальше.

Она задумчиво посмотрела на него, потом на стол, потом на окошко, и, хотя оно было крохотным, Костя заволновался.

– Эй-эй! Ты тут не вздумай, – решил он предупредить ее на всякий случай.

– А чего я? – Она наивно захлопала широко открытыми глазищами, тихонько разминая затекшие от тугих ремней кисти рук.

– Сама знаешь чего, дуреха! – сердито буркнул он. – Тут высоко. Второй этаж, балда.

– Чего-чего?!

Мысленно кляня себя за временную расслабуху в области словесных выражений, до которых этот средневековый народ еще не дошел, Костя в который уже раз за вечер торопливо поправился:

– Высоко, говорю. Упадешь и ноги переломаешь. К тому же собак во двор на ночь выпускают. Злющих-презлющих.

– Они меня любят, – упрямо возразила девчонка.

– Так это когда они знакомые.

– Нет, – настаивала она. – Меня всякие любят, даже волки в лесу не трогают.

– Все равно на сломанных ногах далеко не убежишь.

– А я как кошка, – не сдавалась маленькая бестия.

– А ну сядь и ешь! – рявкнул на нее Костя, устав от бесполезных пререканий.

Девчонка тут же плюхнулась на лавку, испуганно посмотрела на него, робко потянулась к еде, но вскоре чувство голода пересилило осторожность, и через минуту она уже жадно впилась зубами в краюху хлеба.

– Вот так-то оно лучше, – примирительно проворчал он, слегка успокоившись и усаживаясь на дальнюю от стола лавку возле двери, чтобы лишний раз не волновать свою пленницу.

Заметив, как она время от времени стыдливо поправляет свое тряпье, изрядно продрванное на груди и предательски показывающее даже в тусклом свете свечей ослепительную белизну молодого тела, Костя ехидно заявил:

– А ты чего это кутаешься-то? Не бойся, тебе скрывать нечего, потому как у тебя ничего и нет.

– Чего надо, то и хороню, – огрызнулась она обиженно и печально добавила: – Видишь, как холопы твои мне всю одёжу на грудях продрали?! А еще и лапали.

– Ну это ты сочиняешь, – продолжал он тем же насмешливым тоном. – Лапать они тебя не могли, потому как не за что. Разве что за ребра, но мужик же не собака, на кости не кидается.

От гнева она чуть не подавилась и, даже не прожевав до конца мясо, возмущенно завопила:

– А вот же лапали! И здесь, и тут, – обстоятельно показала она синяки, которые темнели преимущественно возле маленьких, не сформировавшихся до конца грудей.

– Ты пальцами-то не тычь. – Костя едва сдерживался, чтобы не засмеяться.

И в самом деле, было над чем. Это ж надо какая ситуация. Потенциальный насильник всю критикует свою жертву, а та с подобным раскладом ни в какую не соглашается и всю расхваливает свои прелести.

Парадокс, да и только.

– Твои пупырышки, – он на секунду задумался, поскольку зеленки здесь еще не знали и надо было спешно придумать ей средневековый заменитель, – медом смазывать надо.

– Это еще зачем? – удивленно уставилась она на него.

– А чтобы опухоль спала и волдыри прошли, – пояснил он свою мысль.

– Да чего ты глупости рассказываешь?! – Она гневно распахнула остатки своей то ли кофты, то ли платья, то ли ночной рубашки, и на Костю в упор глянули две небольшие острые девичьи грудки с темно-вишневыми капельками сосков на концах. – Гляди вот! Каки таки волдыри?! Я каждый божий день в росе купаюсь, родниковой водой умываюсь, я вся чистая!

И только потом до нее дошло, что она сделала.

Реакция девчонки была мгновенной. Она испуганно запахнулась и так резко откинулась назад, что едва не полетела со стула.

Видя же, что князь не поднимается с лавки и, вместо того чтобы жадно накинуться на нее, только весело хохочет, она стала понемногу успокаиваться, но тут наконец уразумела, какую часть ее тела Константин обозвал волдырями, и обиженно насупилась, даже отодвинув от себя еду.

Орешкин не уговаривал, продолжая молча разглядывать ее, однако чувствовалось, что похоти в этом взгляде нет и в помине, так что спустя пару минут голод взял свое и она снова принялась за еду.

На некоторое время в светелке воцарилось затишье, но стоило Константину встать, как девчушка вновь насторожилась и на всякий случай сразу предупредила:

– Ты хоть и князь, токмо у меня и зубы, и когти есть. Вот.

Для вящей убедительности она тут же продемонстрировала ему весь боевой арсенал, широко растопырив пальцы и открыв рот. На всякий случай она даже пару раз щелкнула зубами, на что Костя уважительно заметил:

– Острые.

– А то, – сразу повеселела она и, убедившись, что князь не собирается ни накидываться на нее, ни даже приближаться, снова принялась уплетать за обе щеки нехитрую снедь.

Наконец стол опустел, и девчонка, сыто икнув, виновато ойкнула и смущенно закрыла ладошками рот.

Потом она встала со стула и чинно отвесила Константину степенный поклон, чуть ли не коснувшись рукою пола.

– За угощение благодарствую, княже.

От недавней недоверчивости к Константину не осталось и следа. Чувствовалось, что сейчас она больше удивилась бы, если бы он полез к ней с объятиями, чем тому, что он не собирался приставать.

– А как зовут тебя, красна девица? – Костя тоже поднялся с лавки, не зная, как ответить на этот поклон.

– Зовут Марфуткой, а кличут... – начала было она опять, но тут же осеклась и виновато поправилась: – Доброгневой бабка Марфа нарекла.

– Это значит добрая во гневе, – перевел Костя и тут же раскритиковал: – Неправильное у тебя имя. Ты и в обычное время как змеюка глядишь, а уж во гневе тебе, поди, и вовсе под горячую руку не попадайся.

Юная чертовка в долгу не осталась. С невинным видом поинтересовавшись в свою очередь, как зовут князя, и узнав, что он наречен греческим именем Константин, что означает постоянство и неизменность, она тут же нашлась:

– Так ведь и у тебя, княже, имечко неподходящее.

– Это как так? – удивился он.

– А очень даже просто, – пояснила она. – Какой же ты постоянный, коли нынче на девку зверем кидаешься, ссильничать ее восхотев, а чрез день хаешь ее всяко. С таким имечком человек себя одинаково должен вести, а ты вовсе не таков. То ищешь меня со слугами да с собаками, а поймавши, накормил вон, да на утро отпустить обещался.

– Да, это верно, – согласился Костя. – Тут надо либо имя менять, либо свое поведение.

– Вот-вот, – поддакнула она, довольная, что и здесь последнее слово осталось за нею.

– Имя менять, – продолжал он размышлять вслух, – так это мороки много. Опять же не по-христиански так поступать. Я еще в монахи пока не собираюсь. Ладно уж. Как нарекли, так тому и быть. Придется изменить поведение, и займусь я этим, пожалуй, прямо сейчас.

– Это как же? – насторожилась Доброгнева.

– Я ведь с чего начал? – стал он растолковывать свою мысль. – Ссильничать тебя хотел.

Так?

– Так, – подтвердила она, понемногу пятясь от него.

– Стало быть, придется тем же самым и теперь заняться. Вот я сейчас на тебя накинусь и... – Костя резко сделал полшага вперед, и Доброгневу как ветром сдуло.

Она вновь заняла место на лавке близ ложницы, только на этот раз уже стояла на ней, инстинктивно пытаясь вжаться в толстые, гладко ошкуренные сосновые бревна, источающие легкий смолистый аромат.

– Ты не балуй, – испуганно пискнула она еле слышно, на что Костя, нахмутив брови, угрожающе поинтересовался:

– Так что, подходящее у меня имечко или как?

– Ой, подходящее, – замахала на него руками вконец замученная девчонка.

– То-то, – миролюбиво заметил он и принялся деловито делить шкуры, кидая половину их на ее лавку.

– А теперь ты чего?.. – недоверчиво осведомилась она, глядя на его труды.

– Так ночь на дворе, дурочка, – пояснил он, добродушно улыбаясь. Видя, что она продолжает стоять, не двигаясь с места, Костя заметил: – Бревна сосновые. Сейчас к свежей смоле прилипнешь и все тряпье свое, которое еще кое-где целое, напрочь располосуешь.

Доброгнева отпрянула от стены и сделала робкий шаг вперед.

– Ты лучше не топчись без толку, – порекомендовал он ей. – Возьми да постели себе. Или думаешь, что я сам тебя укладываю буду? Чай, не маленькая уже.

– А мы отдельно спать будем? – настороженно глядя, уточнила она.

– А ты вместе хотела? Ишь хитренькая какая. И не надейся. Тесновато будет. К тому же ты храпишь, поди.

– Вот еще, – фыркнула она.

– Ну тогда брыкаешься. Дети всегда брыкаются, – философски заметил Костя.

– Да я сплю завсегда тихонечко, как мышка! – возмутилась она. – На какой бок легла, на том и проснусь. И не дите я вовсе. Мне этим летом осемнадцать годков уже сполнилось.

– И не проси, и не мечтай, – отрезал он сурово. – И хватит об этом. Все равно к себе не пушу.

– Это я-то прошусь?! – ахнула она, чуть не задохнувшись от гнева. – Да я...

– Опять начинаешь, – строго заметил Костя, угрожающе хмуря брови.

– Ой, молчу я, молчу, – осеклась она и принялась проворно застилать свою лавку, но при этом все-таки продолжая что-то бормотать себе под нос.

Константин погасил почти сгоревшие свечи, быстро разделся и лег. Доброгнева, пошуршав еще немного в темноте, тоже наконец улеглась. Полежав пару минут молча, она не выдержала:

– Княже, спишь ли?

– Да разве тут заснешь, – недовольно проворчал Костя.

– А спросить тебя можно остатний раз?

– За спрос куны⁸ берут.

– А у меня нет, – ойкнула она растерянно и тут же приглушенно хихикнула. – Да ты все шутикуешь, а я по правде узнать хочу.

– Ну если только в остатний, – предупредил он ее. – Сама сказала. Спрашивай, и спать будем.

– А на кой я тебе понадобилась-то? – робко подала она голос.

«Наверное, не спрашивала бы, если бы не случилось чуда и я не оказался в этой шкуре», – подумал Костя, а вслух ответил:

– Покормить тебя решил. А то гляжу, кожа да кости, аж смотреть тошно.

– То-то ты накинулся сразу, – проворчала она.

– Так я тебя хотел на колени посадить, чтобы покормить. Думал, у самой-то сил, поди, и вовсе нет, даже ложку поднять не сможет.

– А чего ж под подол полез? – не отставала она и лукаво добавила: – Сам же сказывал, что токмо собаки на кости бросаются.

В ответ раздалось глухое княжеское рычание. Получилось вроде бы убедительно. Во всяком случае, Доброгнева, приглушенно пискнув, окончательно затихла и больше вопросов не задавала.

Наутро Константина, как обычно, разбудил Епифан. Первый вопрос, который он задал князю, был:

– А где ведьма-то?

Константин рывком поднялся со своей лежанки и увидел только ворох скомканных шкур на соседней лавке. Его ночной собеседницы и след простыл. На секунду стало чего-то жалко и немного обидно.

«Хоть бы попрощалась», – подумалось ему, но потом он ее понял.

И впрямь, вчера один, а сегодня – совсем другой. А ну как на следующий день вновь на нее полезет? Что тогда?

И пожаловаться некому. Он – князь, а она – внучка ведьмы. Нет ни заступников, ни защитников.

Получается, все правильно она сделала.

Тем более что в один прекрасный день он из этого тела исчезнет, и что тогда с нею будет? Выйдет еще хуже – приручил, прикормил, а потом на тебе.

Поэтому Костя как можно равнодушнее зевнул и лениво пояснил Епифану:

– Да отпустил я ее. Она со мной ночью сполна за все рассчиталась, вот я ее под утро на все четыре стороны и отправил. Ну, чего стоишь как вкопанный? Давай кувшин – мыться буду! Поди, на охоту уже пора?

* * *

Онй Константин словеса рек сладко, но душу имел гнусную. И о ту же пору изловиша служка княжий и убивец, прозвищем Гремислав,

⁸ К у н а – денежная единица Киевской Руси. Равнялась 1/50 части гривны или двум резанам.

девицу пригожую, на коей свой алчный взор остановиша Константин князь, и достави оную в светлицу к ему и учал нечестивец терзати несчастную, потешая свою ненасытну похоть.

Пред заутреней Гремислав же бездыханно тело, обернувши в рогожу, в тайности вынес из терема и захорониша в лесе. Константине же рек братьям тако. Де, отпустиша он ее, вовсе не карая, ибо тако и Христос заповедал.

И зрели князья, яко сей безбожник крест на себя кладе рукотворный, и дивились вельми сей лжи подлой, ибо, памятуя нрав буен Константинов, не усомнишися нисколь, что сей изверг деву оную умучил и живота лишил.

Из Суздальско-Филаретовской летописи 1236 г.

Издание Российской академии наук, Рязань, 1817 г.

* * *

Тако сей княже поступиша не по покону Ярославичей, но по милосердию и правде Христовой, ибо Исус рек: «Не до семи, но до семижды семи грехов прощати должно врагам нашим», и дева она, коя лишити князя живота могла, будь в ее руке сила помогутнее, прощена им бысть и на волю пущена вовсе без виры.

Из Владимиро-Пименовской летописи 1256 г.

Издание Российской академии наук, Рязань, 1760 г.

* * *

Кажется, что именно тогда состоялось одно из последних злодеяний Константина, учиненное им в гостях в Переяславле Рязанском у своих двоюродных братьев-князей, хотя данный факт летописи трактуют очень разно.

И о причинах злодейства, и о нем самом летописцы говорят туманно, к тому же весьма и весьма противореча друг другу.

Столь сильное расхождение в описании событий позволяет задать на первый взгляд парадоксальный, но если вдуматься, то вполне естественный вопрос: «А была ли вообще она девица?»

О том, как на самом деле поступил с ней Константин, и говорить нечего, хотя в любом случае – даже смертоубийства – его поведение вполне оправдано, ведь если судить по Владимиро-Пименовской летописи, то она ударила князя по голове, а это, согласно Русской Правде, трактуется не иначе как покушение на убийство.

Впрочем, истина, по всей видимости, лежит, как и обычно, где-то посередине, просто суздальский летописец монах Филарет, относясь к Константину враждебно, усугубил наказание, которое она понесла, а Пимен Владимирский, по причине лояльного отношения к данному князю, постарался вовсе обелить его.

Албул О. А. Наиболее полная история российской государственности, т. 2, стр. 66. Рязань, 1830 г.

Глава 5

Неудачная охота

*Судьба способна очень быстро
перевернуть нам жизнь до дна,
но случай может высечь искру
лишь из того, в ком есть она.*

Игорь Губерман

Двоюродные братья Константина – перед ними он не стал кривить душой – отреагировали на побег юной ведьмачки по-разному, но в строгом соответствии со своим темпераментом.

Юрий набожно перекрестился, выразив опасение, что сия чертовка теперь принесет вред еще не одной христианской душе, Олег не поверил вообще – это Константин уловил по недоверчивому прищурю его глаз.

Роман же с Глебом загорелись немедля догнать мерзавку и проучить. Почему-то им тоже не поверилось, что князь Константин отпустил просто так какую-то холопку, не воздав ей вдесятеро за тот злополучный удар в избушке.

Судя по всему, репутация в отношении женского пола у Константина была та еще, причем прочная и надежная, не пошатнешь, заслуженная добрым десятком лет и – вне всякого сомнения – его тяжкими неусыпными трудами на этой ниве.

Осторожный Ингварь ничего не сказал, только пожал плечами – мол, быть по сему, выпустил так выпустил, и вскоре с этой щекотливой темы все переключились на обсуждение предстоящей охоты, которая должна была стать не просто опасным развлечением, но и полезным мероприятием.

Медведь-шатун, который почему-то не залег в спячку, успел к февралю задрать не только с десятков овец, коров и лошадей, но и трех человек, которые не в добрый час попались ему в лесу под тяжелую лапу. Вот и предстояло избавить смердов от сей напасти, ну и заодно повеселиться, душу потешить.

Некоторые проблемы возникли у Кости при переодевании, поскольку все его потуги помочь стремennому в деле собственного облачения заканчивались весьма плачевно, и под конец Епифашка робко намекнул, чтобы князь, образно говоря, не суетился под клиентом.

Увешанный оружием с головы до ног, Костя наконец спустился вниз, где его нетерпеливо ждали остальные участники мероприятия.

Широкая санная колея была достаточно удобной для коней, и кавалькада всадников лениво протрусила по узеньким улочкам города, затем, пройдя через ворота, двинулась по хорошо укатанным многочисленными санями дорожкам между домами, жавшимися к невысоким крепостным стенам, и наконец вырвалась на простор.

Теперь дорога больше напоминала широкую тропинку – видимо, зимой движение по ней было не столь интенсивным, но спустя всего полчаса припекавшее совсем по-весеннему жаркое солнышко сменилось утренней прохладой зимнего леса.

Изредка у Константина при виде плотно обступавших его со всех сторон деревьев, которые совершенно одинаковы что в двадцатом веке, что в тринадцатом, даже появлялась глупая мыслишка о том, что его путешествие в прошлое, весьма поучительное и в какой-то мере приятное, уже закончилось и он вновь оказался в своем столетии, ибо лес жил точно такой же жизнью, как и спустя несколько веков.

В звонкие удары деревянного молотка – лишь через несколько минут до Кости дошло, что это трудится неугомонный дятел – гармонично вписывалось и недовольное трещание

сплетниц-сорок, и посвист синиц, и звонкие трели других птиц, которым были безразличны и люди, и даты.

Так же неторопливо плыли по ярко-голубому небу белоснежные облака, так же приветливо сияло дневное светило, а деревья отбрасывали на тропинку точно такую же тень, как миллионы лет назад и какую будут продолжать кидать на снег в погожий зимний денек спустя семьсот лет.

Окончательно увериться в этом ему мешал лишь вороной конь, который, очевидно чувствуя, какая ерунда лезет в голову наезднику, время от времени иронично всхрапывал, сдержанно посмеиваясь над хозяином.

Но вскоре истошный лай собак, раздавшийся где-то впереди, оторвал Константина от лирических размышлений, а встретившие их бородастые пешие воины, то ли загонщики, то ли средневековые егеря напололам с лесничими, поманили за собою в глубь чащи.

Свита, которая и без того всю дорогу держалась на добрый десяток шагов позади благородных князей, теперь и вовсе неприлично растянулась, приотстав уже не меньше чем на пятьдесят метров.

Проехав чуть вперед, они по знаку Ингваря остановили своих нервно подрагивающих коней, уже почувствовавших медведя, и стали спешиваться на краю маленькой, метров двадцать диаметром, и почти круглой полянки.

Стремленные тут же принялись принимать испуганно фыркающих лошадей под уздцы, а Епифан где-то замешкался.

Константин оглянулся, чтобы позвать его, но тут вдруг откуда-то из глубины леса послышался звериный рев, а затем вдалеке показался худой, тщедушный мужичонка годков сорока, который опрометью несся прямо к всадникам.

Его тощая, но довольно-таки длинная, чуть ли не по пояс, бороденка от такой скорости аж загибалась назад, смешно свешиваясь через правое плечо.

Впрочем, спустя пару секунд всем уже стало не до смеха, поскольку вдогонку за ним с удивительной для таких могучих габаритов скоростью неслась огромная медвежья туша, время от времени издавая истошный злобный рык.

Константин еще раз оглянулся в поисках Епифана, но тут мишка, уже настигая несчастного мужика, рывкнул еще раз. Так как в этот момент жертва была всего в двадцати шагах от противоположной стороны полянки, а преследующий ее медведь приблизился почти вплотную к беглецу, рык удался косолапому на славу.

Во всяком случае, жеребец Кости оценил его по достоинству и попятился, после чего, напорвшись на весьма острый и длинный сук дерева, торчавший аккурат на уровне его крупы, окончательно обезумел от страха и метнулся куда-то в сторону.

Не ожидая такого коварства от собственной лошади, Костя по инерции завалился назад.

Где-то через пару секунд поводья вырвались из его рук, а еще секунд через пять, когда он успел разогнуться в седле и обхватить шею коня обеими руками, его ноги умудрились выскочить вначале из правого, а затем и из левого стремени.

Вдобавок ко всему медведь, видимо обрадованный новой забавой, оставил мужика в покое и, решив, что лошадь и всадник на ней по качеству и количеству мяса значительно опережают первоначальный объект охоты, ринулся за ними в погоню.

Косте не оставалось ничего другого, как держась за конскую шею, крепко зажмурить глаза и пытаться сохранить равновесие.

Сделать это без помощи стремян было весьма и весьма затруднительно, и он поминутно съезжал набок, но каждый раз ухитрялся выровняться в седле.

Безумная скачка продолжалась достаточно долго, и заплутать Константин успел изрядно.

Как позже заметил Ингварь, окончательная вина за то, что Константина не нашли сразу, лежала, во-первых, на медведе, ибо именно он, решив, что добычу ему не догнать, повернул назад и надолго задержал остальных князей.

Во-вторых, виновато было полузамерзшее дымящееся болото, которое Константинов жеребец по счастливой случайности пересек в считанные минуты, причем по единственной возможной дорожке, таившейся под грязной талой водой. Князья же подались в обход, а это заняло у них немало времени.

Поплутав по кустарниковым зарослям еще с полчаса и лишь чудом сохранив от посягательств наглых ветвей в целостности и сохранности оба глаза, Костя наконец выехал на небольшую, от силы метров тридцать в диаметре, поляну, более похожую на проплешину. И тут же его конь угодил передними ногами в какую-то яму, тщательно замаскированную накиданными сверху ветками.

Надо ли говорить, что полет Константина был не менее живописен, нежели воздушный таран летчика, а его невольная попытка пробить землю головой выглядела так же бессмысленно, как бодание теленка с танком.

Ко всему прочему он еще за что-то зацепился своим тулупом.

Когда наконец он приземлился близ могучего здоровяка-дуба, то лишь с большим трудом осознал, что еще живой.

Впрочем, окончательно прийти в себя ему не дали. Хриплое карканье потревоженных ворон заглушил пронзительный залихватский свист, и сразу же, как муравьи, из каких-то щелей стали выползать на полянку лохматые оборванцы.

Через какую-то минуту, едва успев привстать и прислониться спиной к дереву, он оказался лицом к лицу с пятью мужиками, которые, судя по угрожающему виду, представляли собой небольшую лесную шайку. Один из них, одетый побогаче прочих, выступил вперед и миролюбиво скомандовал:

– Снимай бронь, боярин. Будя. Относился. Ежели ты по-хорошему, так и мы по-хорошему – живым, значит, тебя отпустим, хоть и без одежды. А коль трепыхаться учнешь, так и вовсе голову здесь сложишь.

Как бы в подтверждение сказанного мужик сжимал в правой руке меч, а в левой – здоровенный тесак. Остальные имели вооружение похуже – всего-навсего дубинки и ножи, значительно уступающие в размерах тому, который был у атамана.

Константин никогда не считал себя храбрецом, безумству которых, по словам Горького, поют славу, хотя и посмертно. Словом, не сокол, не орел и не ястреб, а так себе, обычная птица невысокого полета.

Против пяти человек, которые прошли хорошую школу раздевания одиноких путников, ему было не выстоять и минуты, это он тоже прекрасно понимал. Однако, всегда считавший себя реалистом и практиком, тут он почему-то заартачился.

Оно, конечно, шансов никаких, но вдруг да подмога подоспеет. Уж больно унижительной представилась картина, как он голышом выходит к тому же Ингварю и прочим князьям.

Да, они ему никто, а братьями, да и то лишь двоюродными, доводятся всего-навсего его телу. Но он был уверен на все сто, что ни один из них так трусливо никогда бы не поступил, даже окажись в такой безнадежной ситуации. Любой вышел бы в одиночку не только против пяти, а и против двух-трех десятков человек, хотя результат подобного геройства абсолютно предсказуем.

Конечно, спору нет, все они куда привычнее к подобного рода забавам, но никто из них с двумя десятками все равно не совладал бы. Достаточно накинуться скопом, и никакое ратное мастерство не поможет.

И все равно князья дрались бы до конца.

Причем, что самое интересное, если бы любого из них спросили бы в тот момент, почему он выбирает безнадежный бой, а не унижительную покорность суровым жизненным обстоятельствам, тот искренне удивился бы, а потом изумленно спросил: «А разве был выбор?»

Тем временем, видя, что он застыл в неподвижности и не предпринимает никаких попыток к сопротивлению, вожак сделал еще пару осторожных шагов и остановился. При этом он продолжал держаться на безопасной дистанции.

Молчание длилось с минуту. Наконец атаману надоело ждать, и он, хмыкнув и сплюнув, прервал затянувшуюся паузу:

– Давай-давай. Шевелись, боярин. Али у тебя со страху руки отнялись?

«И никуда не денешься, надо подчиняться, – шепнул Косте участливо мерзкий чело-вечишка двадцатого века, а затем, как бы оправдывая свой трусливый совет, добавил: – Не затем же тебя сюда заслали, чтобы ты тут же и погиб от рук каких-то вшивых мерзавцев, а так есть шанс. Может, и впрямь отпустят. Они-то из тринадцатого века, а тут, наверное, даже у разбойников существует какой-то кодекс чести. Князьям же скажешь, что когда вылетел из седла, то потерял сознание, а очнулся уже голым. Стыдно немного, ну и что. Постесняешься пару дней, и все. Зато живой».

На душе было мерзко, потому что мысли этого человечешки были на самом деле Костиными.

И главное, ведь все очень правильно и логично, даже отговорка придумана классная, которую непременно примут на веру – как же иначе, разве настоящий князь добровольно отдал бы не только свое оружие, но и одежду?!

Такая отмазка мгновенно обеляла его абсолютно перед всеми.

Точнее, почти перед всеми. Оставался один человек – он сам. Да еще его стыд и память об этом стыде, которую ни вытравить, ни уничтожить. Но это уже неважно, ведь он никогда и никому не проболтается – себе дороже.

К тому же и впрямь Костю сюда послали не для этого, иначе получается форменная ерунда. А останется в живых – как знать. Глядишь, изменит что-то в истории Руси в лучшую сторону. Причем проведет эти изменения в больших масштабах – ведь сколько хорошего он сделает, учитывая немалую княжескую власть.

Припомнилось ему и еще одно обстоятельство.

Помнится, Алексей Владимирович говорил, что надо спасти от преждевременной смерти каких-то людей, причем их имен он не назвал. А если подразумевался как раз будущий сын кого-то из этих разбойников?

Или даже так – сын уже есть, но если этот бандит сегодня погибнет, то и его ребенок, оставшись без отца, а следовательно, и без материальной поддержки, пропадет или умрет с голоду. Тогда все, прощай его успешная миссия.

То есть как ни крути, а надо уступать этой наглой морде, отдаленному предку современников-рэкетиров и прочих отморожков. Другого выхода попросту нет. Точнее, он есть, но глупый до наивности, а главное – ничего хорошего не несущий.

Да какого черта – в конце концов, он не князь, а учитель истории, а значит...

Константин тяжело вздохнул и стиснул зубы, мрачно глядя на вожака. Тот довольно осклабился.

Орешкину стало еще противнее.

Нет, атаман бармалеев был ни при чем – противно от себя самого, и настолько, что он, решительно выкинув из головы услужливо предоставленные оправдания и вспомнив, что «у корявой елки кривые иголки», так что нечего тут прикрываться сопливым гуманизмом по отношению к мифическим сыновьям разбойников, потащил из ножен свой меч.

Голова Константина еще продолжала гудеть, но – странное дело, почувствовал он себя значительно лучше.

Атаман презрительно усмехнулся, еще раз смачно сплюнул на землю, попав при этом на свой синий сапог, – остальные лесовики были в лаптях – и заметил:

– Стало быть, не хошь по-хорошему. Ну и зря. Ладно, коль живота своего не жалеешь, быть по сему. Купырь, Заяц, заходите справа, а ты, Нечай, слева. Я напрямки пойду. Так оно ближе буде.

То, что происходило дальше, можно описывать очень долго, ибо это был миг Костиной гордости, миг торжества. Он все-таки не уронил княжеской чести, и осознание этого, особенно на первых порах, здорово его воодушевляло.

К тому же дрался вожак не очень умело. Видать, господское оружие попало ему в руки не так давно и в основном служило лишь вещественным атрибутом власти, так что он еще не до конца с ним освоился.

Во всяком случае, Костя довольно-таки спокойно отбил его первые два выпада, принял на кольчугу скользящий удар тесака и сам ринулся в атаку, одновременно уходя из-под удара двух дубин слева и справа.

Атаман попятился, и Косте удалось хорошенько, от души рубануть его по плечу.

Правда, цели этот удар достиг лишь частично – вожак тоже в последний миг ушел из-под него, но кожа вместе с куском нарядной рубахи лоскутом свесилась чуть ли не до локтя, и бурно пошедшая кровь слегка отрезвила сразу заробевших разбойников.

Теперь они напали с опаской, лишь главный бармалей продолжал без устали махать мечом, пытаясь даже не столько попасть, сколько подвести Константина под удары дубин своих напарников.

Повертевшись так пару минут, Костя понял, что долго не выстоит и надо переходить к решительным действиям.

Краем глаза оценив обстановку сзади себя, он сознательно подставился под удар дубины и, уйдя в последнее мгновение в сторону, полоснул первого разбойничка куда придется.

Пришлось удачно – прямо по животу. Меч, наточенный как бритва, располосовал тело очень легко, и Костя даже поначалу не понял, что вспорол противнику чуть ли не полбрюха.

Второй успел среагировать и уклониться, но Константин в прыжке догнал его мечом, который почти до рукояти окрасился красно-алым – удар в бок оказался смертельным.

Осталось всего трое, и тут на него нашло что-то отчаянно бесшабашное.

Впрочем, до конца осторожность он не потерял и опять-таки краем глаза успел заметить еще одного негодяя поодаль, который тихонько подползал к жалобно ржавшей, точнее, уже просто постанывавшей в яме лошади.

«Ну правильно, – подумал Костя, – седло-то богатое. Ничего, пусть мародерствует, лишь бы сюда не подошел».

Бегать по поляне туда-сюда, размахивая мечом, одновременно уклоняясь от вражеских ударов и нанося свои, оказалось делом довольно-таки обременительным, особенно с непривычки.

Правда, оно существенно облегчалось, когда Костя дрался «на автомате», то есть не думая. И чужой удар сразу удавалось парировать намного грамотнее, и свой выпад становился более ловким.

Одним словом, у Константина складывалось впечатление, что само тело достаточно хорошо помнило схватки, в которых участвовал прежний его владелец, да и многое из того, чему его научили, тоже забыло не до конца.

Но происходило это лишь тогда, когда сам Костя чувствовал, что все, пришел конец и что делать – неизвестно. Мыслей – ноль, а идей и того меньше.

Мозг его в эти секунды переставал отдавать команды, но руки, вместо того чтобы беспомощно опуститься перед неминуемой смертью, вопреки бессилию мозга как раз и начинали действовать на полную мощь.

Длилось это недолго, поскольку через минуту Костя вновь воодушевлялся, брал инициативу на себя и... опять доводил ситуацию до критической, после чего все повторялось по новой.

Однако даже понимая, что для победы надо просто на пару минут расслабиться и бездумно помахать мечом, а все остальное руки и ноги сделают сами, Костя не мог заставить себя пойти на это – уж очень страшно было не руководить самим собой.

Хотя именно в такие секунды расслабленности ему как раз и удалось подранить третьего, с дубинкой, причем тоже тяжело, в живот. Снежный сугроб под дубом, в который тот улегся, моментально стал красным.

Но раненый, не переставая жалобно стонать, в промежутках между завываниями все равно успевал подбадривать своих товарищей, давая им всевозможные кровожадные советы типа зайти в спину, хряпнуть боярина так, чтоб дух испустил, и так далее.

«Лишь бы не вставал», – решил Костя, но старался к нему не приближаться. Мало ли что.

Наконец, устав носиться за неподатливой добычей по всей поляне, оставшиеся двое стали действовать так, как следовало бы с самого начала. Они перекрывали пути к отступлению, постепенно загоняя жертву к самому краю крутого и глубокого оврага.

Когда до него осталось не больше метра, последний бандюга с дубиной, решив схитрить, подскочил и ударил Костю не наотмашь, а как бы вдоль, целясь в правое плечо и намереваясь свалить с кручи.

Константин успел присесть и, так же как и несколькими минутами ранее, сделал выпад мечом, распарывая разбойнику пузо.

После этого он, выпрямившись, удачно парировал очередной удар атамана, но это был, как оказалось, ложный замах. Основной удар был нанесен здоровенным тесаком, и от него Костя увернуться не успел.

Распоротая правая штанина стала быстро пропитываться кровью, вместе с которой из него стали уходить силы. Это он почувствовал по тому, как потяжелел в руке меч, как трудно стало отпрыгивать или, наоборот, наседать на обрадованного вожака бывшей волчьей стаи.

Успев еще несколько раз вяло отмахнуться от ударов атамана, Костя понял, что силы на исходе, к тому же, завидев, что он еле держится на ногах, размахивая дубинкой в здоровой руке, на помощь атаману поспешил еще один бармалейчик.

Он был уже рядом с главарем шайки, когда Константину все-таки удалось поднырнуть под разящий меч вожака и, полоснув по его левой руке с зажатым в ней ножом, тут же воткнуть ему свой клинок прямо в пах.

Атаман тупо уставился на него и... зачем-то ухватился за лезвие, не давая выдернуть его из раны, а в это время последний из оставшихся в живых разбойников уже занес над головой Орешкина дубинку.

Костя в это время, уже отчетливо сознавая, что явно не успевает, тем не менее с какой-то идиотской упертостью тащил на себя меч вместе с вожаком, который продолжал его стойко держать рассеченной до кости ладонью, но тут что-то коротко ткнуло того, что с дубинкой, в спину.

Поначалу Костя даже не сообразил, почему, вместо того чтобы опустить ее на боярскую голову, средневековый бандит попятился и зашатался. Лишь потом, когда тот, силясь устоять на ногах, пошатнувшись, повернулся к Константину вполоборота, он увидел стрелу, торчащую у разбойника из спины, и понял, что помощь все-таки подоспела.

Меч, который Костя по инерции продолжал тащить из мертвого атамана, наконец легко поддался, и он, не выпуская его из рук, шагнул назад, но не упал на землю, а, встретив под ногами пустоту, полетел в овраг.

* * *

В лето шесть тысяч семьсот двадцать четвертое от Сотворения мира, в месяц студенец⁹, в день Касьяна злопамятного, поиде княже Константине на охоту со князьями и тамо, заплутавши в лесе, узреша татей во мнозе великом, числом до пяти десятков, но не испужался, а вступиша в сечу с ими и, один будучи, побиша их бессчетна, аки святой Егорий на коне восседаючи.

И токмо един тать с помощью диавола возмог ему рану тяжку нанести. Но бысть княже духом могуч и призваша он, видючи, како алая руда из чресл ево истекает, светлое воинство божие и с именем Исуса на устах еще пуще татей злобных разиша, покуда силы бысть.

И до той поры разиша, пока и последний из них дух не испустиша.

Опосля же деу, коя злодеями полонена бысть, из темниц сырых на свет божий выводила и спасаша.

Одначе чрез рану ту тяжкую, коя в битве удалой руцею поганого богоотступника нанесена бысть, великия множества руды алай вытекла, и изнемог княже.

Из Владимирско-Пименовской летописи 1256 г.

Издание Российской академии наук, Рязань, 1760 г.

* * *

Рана, последствия которой еще очень долго мучили князя Константина, тоже получена им при весьма загадочных обстоятельствах.

В то время при выезде в лес любой князь брал с собой не менее десятка слуг, не считая егерей, проводников и прочих.

Тут же охота была, по всей видимости, организована князем Ингварем, то есть в ней участвовало как минимум полсотни человек, и вдруг Константин оказывается один в лесу, да еще перед лицом ватаги разбойников.

Вывод напрашивается однозначный: вновь красивая легенда, которыми жизнь одного князя была окружена со всех сторон.

В подтверждение тому неправдоподобные результаты этого сражения с шайкой татей: все погибли, а Константин остался жив, хотя и ранен в нескольких местах. Такое бывает только в сказках, былинах и легендах.

Разумеется, для вящей красоты, в ней должна была принять участие, пусть и косвенное, красна девица, которая – еще один плюс в пользу гипотезы о легенде – оказалась тут как тут.

Что с нею впоследствии сделал князь, неизвестно.

⁹ Февраль.

Летопись о том молчит, а учитывая, что именно этот автор весьма лояльно, а порою восторженно относился к князю, остается догадываться, что ничего хорошего он написать не мог, а потому просто умолчал.

Предполагаемых вариантов того, как на самом деле разворачивались события, предшествующие получению раны, масса.

Наиболее распространенный, что имела место какая-то ссора с князем Ингварем и его братьями. Есть и другие версии случившегося.

Например, упрощенная до примитива гипотеза, выдвинутая молодым ученым Мездриком, гласит, что абсолютно все описываемое в летописи подлинная правда. Исключение составляет лишь один нюанс – автор, монах Пимен, сильно преувеличил количество разбойников.

Но история никогда не бывает настолько простой, как порою кажется по молодости лет. Разумеется, любой историк имеет полное право на построение собственной гипотезы, но только при условии, что она не противоречит ни логике, ни здравому смыслу, а тут как раз наблюдается обратная картина.

Впрочем, в целом вопрос этот не настолько принципиален, чтобы уделять ему так много внимания.

Албул О. А. Наиболее полная история российской государственности, т. 2, стр. 71. Рязань, 1830 г.

Глава 6

Овраг

*Не знала Библия, не выдумал Коран
Такого образа для воплощенья злобы.
Служил подножьем мир лишь для его особы.
Он жил невидимый, и странные лучи
Немого ужаса распространял в ночи.*

Виктор Гюго

Очнулся он уже там, на дне, в полулежачем-полусидячем положении. Кто-то заботливый успел туго замотать ему рану, тянувшуюся чуть ли не вдоль всей правой ноги, и приложить на лоб что-то приятно охлаждающее.

А потом он увидел ее, ту самую внучку ведьмы.

Глаза девчонки радостно вспыхнули, но она тут же опустила их и засуетилась, меняя ему на голове тряпку, и без того холодную, на совсем ледяную.

– А где все? – растерянно прошептал Костя, ожидая увидеть возле себя кого угодно, но только не ее.

– А кто все-то? – осведомилась она.

– Ну князья, слуги там, холопы, смерды, – начал было перечислять он, но она прервала его:

– Будет с тебя и меня одной покудова. Да ты лежи, лежи. Тебе ни в коем разе вставать нельзя. Силов покамест набирайся.

– Так ты совсем одна? – не унимался он.

– А с кем же мне еще тут быть? – ворчливо поинтересовалась она.

– А стреляли же? Кто стрелу-то пустил? – ничего не понимал Костя.

– Я и пустила, – буркнула она. – А ты думал, я только скотину могу наговорами портить да на метле летать? А я эвон чего еще умею. – И, уже потише, задумчиво произнесла: – Вишь, яко оно бывает, князюшко. Искал ты меня, искал, а нашел – едва от смертушки своей ушел.

– Очень надо тебя искать, – шепнул он тихо.

Громко говорить Костя не мог, сил не хватало, но она расслышала и, возмущенно повернувшись к нему, напустилась с упреками:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.